

Галина Космолинская

Ф. В. Каржавин и его альбом «Виды старого Парижа»

ОЧЕРКИ
ВИЗУАЛЬНОСТИ

...полнее осмыслить публикуемый здесь визуальный источник: с одной стороны, как редкое свидетельство культурной рецепции историко-архитектурного облика французской столицы начала 1770-х и начала 1790-х годов; с другой — как отражение состояния архитектурной теории в России второй половины XVIII века.

Галина Космолинская

**Ф. В. Каржавин и его альбом
«Виды старого Парижа»**

«НЛО»

Космолинская Г.

Ф. В. Каржавин и его альбом «Виды старого Парижа» /
Г. Космолинская — «НЛО»,

«Русский парижанин» Федор Васильевич Каржавин (1745–1812), нелегально вывезенный 7-летним ребенком во Францию, и знаменитый зодчий Василий Иванович Баженов (1737/8–1799) познакомились в Париже, куда осенью 1760 года талантливый пенсионер петербургской Академии художеств прибыл для совершенствования своего мастерства. Возникшую между ними дружбу скрепило совместное плавание летом 1765 года на корабле из Гавра в Санкт-Петербург. С 1769 по 1773 год Каржавин служил в должности архитекторского помощника под началом Баженова, возглавлявшего реконструкцию древнего Московского кремля. «Должность его и знание не в чертежах и не в рисунке,°– представлял Баженов своего парижского приятеля в Экспедиции Кремлевского строения,°– но, именно, в разсуждениях о математических тягостях, в физике, в переводе с латинского, с французского и еллино-греческого языка авторских сочинений о величавых пропорциях Архитектуры». В этих знаниях крайне нуждалась архитектурная школа, созданная при Модельном доме в Кремле. Альбом «Виды старого Парижа», задуманный Каржавиным как пособие «для изъяснения, откуда произошла красивая Архитектура», много позже стал чем-то вроде дневника наблюдений за событиями в революционном Париже. В книге Галины Космолинской его первую полную публикацию предваряет исследование, в котором автор знакомит читателя с парижской биографией Каржавина, историей создания альбома и анализирует его содержание. Галина Космолинская – историк, старший научный сотрудник ИВИ РАН.

© Космолинская Г.

© НЛО

Содержание

Предисловие	7
Theodore Karjavine и его парижский альбом	9
Вместо историографического введения	9
Русский парижанин	17
В России (1765–1773)	38
Опять Париж (1773–1776)	41
На родине (1788–1812)	43
«Виды старого Парижа»	45
Визуальный ряд парижского альбома	49
Дневник, путеводитель, архитектурное пособие?	59
«Краткое разсуждение о Кремлевском строении» и парижский альбом Каржавина	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

**Галина Космолинская
Ф. В. Каржавин и его альбом
«Виды старого Парижа»**

Институт всеобщей истории Российской академии наук

Научный и издательский центр «Наука» РАН

**Научная библиотека Московского государственного
университета им. М. В. Ломоносова**

Предисловие

В ряду известных нам печатных и рукописных описаний Парижа, оставленных русскими путешественниками XVIII века, альбом Ф. В. Каржавина занимает совершенно особое место. Само сочетание изобразительного и описательного, достаточно редкое в русской рукописной традиции этого столетия, не может не привлечь к нему внимания.

Ни по форме, ни по содержанию парижский альбом не похож на *путевой журнал* жадного до всего нового путешественника, а его автор вряд ли ощущал себя таковым в городе, где вырос, получил образование, пропитался западноевропейской культурой, сформировался как личность. Нет в альбоме Каржавина и обычного для описаний путешествующих противопоставления знакомого и чужого: все, что он видел в Париже, воспринималось как «свое», привычное, не вызывающее особого удивления. Да и сравнивать ему, в общем-то, было не с чем. Судя по всему, он плохо помнил родной дом и тем более город, откуда был вывезен семилетним ребенком, и если скучал, то только по своей семье. Когда двадцатилетний образованный «русский парижанин», почти позабывший родной язык, покидал Париж, его жизненный багаж состоял из школьных знаний, полученных в Сорбонне, живых воспоминаний и сердечных привязанностей, оставленных в этом городе. А еще молодого человека окрыляла надежда принести пользу своему отечеству, которого он, в сущности, не знал.

Важно отметить, что описания Парижа в альбоме Каржавина почти лишены присутствующих «первооткрывателям» впечатлений от увиденного. Их автор явно предпочитал эмоциям книжное знание (парижские легенды – не исключение) и личное свидетельство. Это отнюдь не делает из него равнодушного или недостаточно внимательного наблюдателя окружающей жизни. Помимо собственно парижского альбома Каржавин оставил немало других разрозненных свидетельств, которые позволяют нам лучше понять, как он воспринимал то, что видел в Париже своими глазами или узнавал из книг, как он осмысливал свое положение в мире, в котором оказался волею судеб и который стал ему родным.

Еще одна особенность парижского альбома – его связь с именем архитектора В. И. Баженова, что делает этот памятник особенно ценным документом по истории русской архитектуры. Альбом создавался в бытность Каржавина помощником Баженова на строительстве нового Кремлевского дворца. Здесь помимо прочих обязанностей он преподавал в архитектурной школе при Модельном доме, «изъяснял» будущим русским зодчим, «откуда произошла красивая Архитектура», и знакомил их с выдающимися образцами французского градостроительства. Наиболее плодотворным оказалось его сотрудничество с Баженовым в области теории архитектуры. Каржавин переводил классические архитектурные трактаты, составлял учебные пособия, словари архитектурных терминов – все это подспудно стимулировало формирование и введение в оборот нового для России языка архитектурных понятий. Разумеется, в его трудах по архитектуре не могли не отразиться теоретические взгляды Баженова, и настоящая публикация парижского альбома, несомненно, даст новый импульс исследованиям творчества выдающегося русского архитектора.

Наконец, важно отметить наличие в альбоме разных хронологических срезов, позволяющее проследить эволюцию взглядов Каржавина в историческом контексте. Помимо основного корпуса, который датируется началом 1770-х годов, альбом содержит дополнительные включения, корректирующие описание Парижа в свете событий Французской революции.

Структура настоящего издания определяется стремлением полнее осмыслить публикуемый здесь визуальный источник: с одной стороны, как редкое свидетельство культурной рецепции историко-архитектурного облика французской столицы 1760–1770 и 1790-х годов; с другой – как отражение состояния архитектурной теории в России второй половины XVIII века.

Публикацию альбома «Виды старого Парижа» предваряет исследование, которое знакомит с парижской биографией Каржавина, освещает историю создания альбома, анализирует его содержание. Текст альбома воспроизводится впервые полностью вместе с гравированными видами Парижа. Комментарий публикатора к альбому также снабжен визуальным материалом, это касается тех случаев, когда Каржавин упоминает несохранившиеся (или невидимые на гравюре) архитектурные объекты.

***

Подготовка к изданию велась при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант РГНФ № 08-01-00212а; № 11-21-17001). Моя отдельная благодарность Дому наук о человеке (Maison des sciences de l'homme, Paris) за финансовую поддержку, позволившую мне работать в фондах парижских библиотек и, что особенно ценно, иметь возможность воссоздавать в реальности маршруты героя моего исследования по городу и предместьям. Трудно переоценить также возможность личного общения с французскими коллегами – Владимиром Береловичем, Франсуа и Мари Авриль, Жоржем Дюлаком, Ольгой Медведковой и всеми, кто оказывал мне консультативную помощь в разыскании материалов, связанных с парижской биографией Каржавина.

Рукопись книги обсуждалась в Центре по изучению XVIII века Института всеобщей истории РАН. Также чрезвычайно полезным для меня оказался опыт презентации моих разысканий в Секторе XVIII века Пушкинского Дома и в междисциплинарном научном семинаре «Проблемы художественной культуры XVIII века» в Государственном институте искусствознания в Москве. Считаю приятным долгом поблагодарить всех моих коллег и друзей, неизменно поддерживавших меня в работе, особенно тех, кто брал на себя труд читать на разных стадиях готовности рукопись и обсуждать ее со мной, – Надежду Юрьевну Плавинскую, Сергея Яковлевича Карпа, Елену Борисовну Смилянскую. Моя глубокая признательность рецензентам этой книги Анне Сергеевне Корндорф и Юлии Гаврииловне Клименко за их профессиональные советы и ценнейшие замечания.

Разумеется, исследование не могло бы успешно продвигаться без благожелательных, всегда готовых прийти на помощь сотрудников российских архивов, музеев и библиотек – приношу им всем свою сердечную благодарность. Наконец, было бы несправедливо не сказать здесь слова благодарности моим близким, которые неустанно поддерживали меня на всем пути, стойко перенося неудобства и сложности жизни, почти всегда сопутствующие процессу рождения книги.

Г. А. Космолинская

Theodore Karjavine и его парижский альбом

*...американский житель;
парижский воспитанник,
петербургский уроженец;
в родине не свой,
в сем мире чуждой,
в боге упокоюсь
аминь*

Ф. В. Каржавин о себе¹

Вместо историографического введения

Сегодня о петербургском разночинце Федоре Васильевиче Каржавине (1745–1812) известно немало. Он вырос в Париже и получил образование в Сорбонне, был придирчивым читателем Вольтера и прилежным учеником Декарта, хорошо усвоившим, что «первое из удовольствий есть удовольствие знать»². Мы знаем его как переводчика, лексикографа, автора новаторского учебника французского языка, научного редактора (как бы сказали сейчас) и многогранного комментатора. Он рано заболел «манией чтения» и начал собирать свою замечательную библиотеку в Париже, будучи еще очень молодым человеком, а позже пробовал себя и в книгоиздательстве. Человек авантюрного склада, он много странствовал по Старому и Новому Свету, но связь с Парижем не порывал никогда.

Фигура Каржавина не перестает привлекать к себе внимание специалистов, занимающихся изучением историко-культурного наследия Просвещения. Документальные свидетельства его жизни, рассеянные по российским и зарубежным библиотекам и архивам, в действительности могли бы обеспечить изучение этой эпохи по самым неожиданным направлениям. Личность и наследие Каржавина влекут к себе не только историков. Его неординарную биографию не раз пытались воплотить в художественных произведениях³, а книжное собрание не оставляет в покое уже несколько поколений библиографов и коллекционеров.

Судьба Каржавина в советской историографии сложилась ожидаемо причудливо: выходец из старообрядческой среды, социально чуждый и потому не подходивший на роль настоящего «революционера», с самого начала оказался под подозрением у историков-марксистов. Игнорировать классовый подход не удавалось даже такому знатоку XVIII века, как Яков Лазаревич Барсков (1863–1938), который рецензировал в 1934 году рукопись монографии о Каржавине только что вернувшегося в Ленинград после первого ареста Б. И. Коплана (речь о нем пойдет ниже). Барсков писал, что следует «отказаться от причисления семьи Каржавиных к „отцам русского либерализма“, „просветителям“, „революционерам“», и добавлял: «Бесспорно

¹ Запись на последнем листе венецианского издания трактата Пьетро де Крешенци «Il Libro della agricultura» (Venezia, 1519) – экземпляр РГБ (МК: инв. 2059).

² «Le premier des plaisirs c'est celui de connoître» – строка из поэмы Ж. Делиля «Épître sur les Voyages», подчеркнутая Каржавиным в «Journal encyclopédique» (1765, t. 7, part. 2, p. 104); здесь же рецензия на два похвальных слова Декарту (p. 51, 60–61) со следами его чтения – экземпляр РГБ (МК: инв. IX–6360–6373), см. также: *Полонская И. М.* Книги из библиотеки и с автографами Ф. В. Каржавина в собрании Отдела редких книг // Труды ГБЛ. Т. 14: История книги. Работы Отдела редких книг. М., 1978. С. 139.

³ *Петров П. Н., Клоушиков В.* Семья вольнодумцев: Историческая повесть времени Екатерины Великой. СПб., 1872; *Давыдов Ю. В.* Неунывающий Теодор: Повесть о Ф. В. Каржавине. М., 1986; *Он же.* Волонтер свободы: повести. М., 1988; *Демин Д.* История странствий Теодора Лами, русского флибустьера // Вокруг света. 1996. № 9. С. 54–61; № 10. С. 71–78; и др. См. также документальный фильм «Жизнь и деяния Федора Каржавина» (Центрнаучфильм, 1984). <https://www.youtube.com/watch?v=6qW94cxb80k>.

впрочем, что это очень интересная и во многом „показательная“ семья для истории русской буржуазии»⁴. Но монография Коплана так и осталась неопубликованной.

Через тридцать лет, когда о Каржавине стали много и охотно писать, проявилась другая крайность – соблазн сделать из него «второго Радищева». Попытки представить его «революционером», «философом-материалистом», «последовательным атеистом», «многогранным ученым» и даже «крупнейшим теоретиком архитектуры XVIII века в России (а пожалуй, и не только в России)»⁵ не могли не вызывать возражений среди историков и в конце концов вылились в публичную дискуссию об общественно-политических взглядах Ф. В. Каржавина⁶. К тому времени появились уже публикации, которые опирались на новые источники и содержали более взвешенные трактовки, оценки и выводы; таким образом, тенденция в историографии постепенно начала меняться⁷.

Между тем в этой действительно незаурядной биографии остается еще много неясного. Достаточно сказать, что у нас до сих пор нет достоверного изображения Каржавина, притом что его «портрет», пущенный в обиход без какой-либо атрибуции и провенанса автором концепции «Каржавин – второй Радищев»⁸, кочует из публикации в публикацию и украшает статью в *Википедии*. Принимать его в расчет, как бы этого ни хотелось, мы не можем.

Другое предполагаемое изображение Каржавина – миниатюра из Русского музея «Портрет неизвестного офицера армейской пехоты» (1792) – до сих пор остается неподтвержденной гипотезой. Миниатюра приписывается художнику И. А. Ерменеву, с которым Каржавин близко сошелся в Париже⁹. Предположение, что на ней изображен Ф. В. Каржавин, в свое время высказал автор монографии о Ерменеве Алексей Николаевич Савинов (1906–1976)¹⁰. Но поскольку Каржавин не был ни «офицером армейской пехоты», ни вообще военным, ученый подчеркивал, что в данной атрибуции «нельзя быть уверенным до обнаружения бесспорного <...> портрета [Каржавина] для сопоставления с миниатюрой 1792 года» (ил. 1)¹¹. В то же время отметим тщательно выстроенную аргументацию Савинова – не только с опорой на документальные свидетельства, но и с учетом известной склонности Каржавина к мистификациям подобного рода. Во всяком случае, сегодня гипотеза ленинградского ученого остается единственной *аргументированной* и продолжает вызывать споры, поскольку есть с чем спорить¹².

---

⁴ РНБ ОР. Ф. 370 Б. И. Коплан – С. А. Коплан-Шахматова. № 55. Л. 5, 11. Я. Л. Барсков сам принадлежал к старообрядцам поморского согласия (беспоповцам); с 1928 г. член Научного общества марксистов. Отказывая Каржавину в религиозном свободомыслии, он писал, что тот «не шел далее деизма и пренебрежительного отношения к церкви, какое было еще у деда его, беспоповца Никиты Тимофеевича, в доме которого и брачующихся венчали, и детей крестили „наставники“, „старцы“, „простые мужики“, но не „рукоположенные попы“» (л. 12).

⁵ Рабинович В. И. Революционный просветитель Ф. В. Каржавин. М., 1966. С. 60 и др.; *Он же*. Вслед Радищеву... Ф. В. Каржавин и его окружение. М., 1986.

⁶ Вопросы истории. 1987. № 12. С. 159–168.

⁷ Новые тенденции в освещении жизни и деятельности Каржавина отражены в работах: Старцев А. И. Был ли Каржавин другом Радищева? // Вопросы литературы. 1971. № 4. С. 168–173; Болховитинов Н. Н. Был ли Ф. В. Каржавин американским «корреспондентом» Н. И. Новикова? // Вопросы истории. 1986. № 4. С. 170–172; и др.

⁸ В. И. Рабинович в своей книге «Вслед Радищеву...» (1986) поместил целых два «портрета» Каржавина (один парный – с женой), но оба без атрибуции.

⁹ Существует иная, также неподтвержденная точка зрения, что автором миниатюры мог быть Петр Герасимович Жарков / Жерков / Жаркой (1742–1802), см. Рыбалка А. А. Казус Ерменева: портрет неизвестного (6 января 2016 г.) – блог на платформе *Живого журнала*: (anrike.livejournal.com).

¹⁰ Савинов А. Н. Иван Алексеевич Ерменев. Л., 1982. С. 170.

¹¹ Там же.

¹² См. детально обоснованные возражения Андрея Рыбалки (anrike.livejournal.com); к сожалению, и здесь не обошлось без «портрета» Каржавина, введенного в оборот В. И. Рабиновичем. Позже в своей книге о Сулакадзеве автор поместил в качестве «сугубо предположительного» портрета Каржавина миниатюру из Русского музея (Рыбалка А. XIII класса Сулакадзев: Источниковедческое историческое исследование. М.; Екатеринбург, 2018. С. 89).

Ил. 1. Портрет неизвестного офицера армейской пехоты (1792) – гипотетический портрет Ф. В. Каржавина

У нас по-прежнему нет «бесспорного портрета для сопоставления». Но исследовательская оптика, настроенная определенным образом с учетом гипотезы Савинова, способна вдруг обнаружить, казалось бы, в уже не раз виденном «смеющемся мужчине» – рисунке Каржавина (ил. 2) из Пушкинского Дома¹³ – физиогномическое сходство с «неизвестным офицером» из Русского музея. Если принять во внимание это сходство, а также обратную сторону листка, где между строк крамольной оды Г. Р. Державина «Властителям и судиям»¹⁴ вписана лежащая (упавшая?) фигура полуодетой женщины (ил. 3), то невольно возникает мысль о гротескном автопортрете¹⁵.

---

¹³ ИРЛИ РО. Ф. 93 Собр. П. Я. Дашкова. Оп. 2. № 100. Л. 47 об.

¹⁴ «Якобинская» по своему пафосу ода Державина, впервые опубликованная в 1787 г. в журнале «Зеркало света» (читателем которого был Каржавин), находилась «под цензурным подозрением», см.: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1864. Т. 1. С. 111; см. также: *Мартышов И. Ф.* Русские журналы XVIII века и их читатели // Распространение печати. 1975. № 8. С. 41–42.

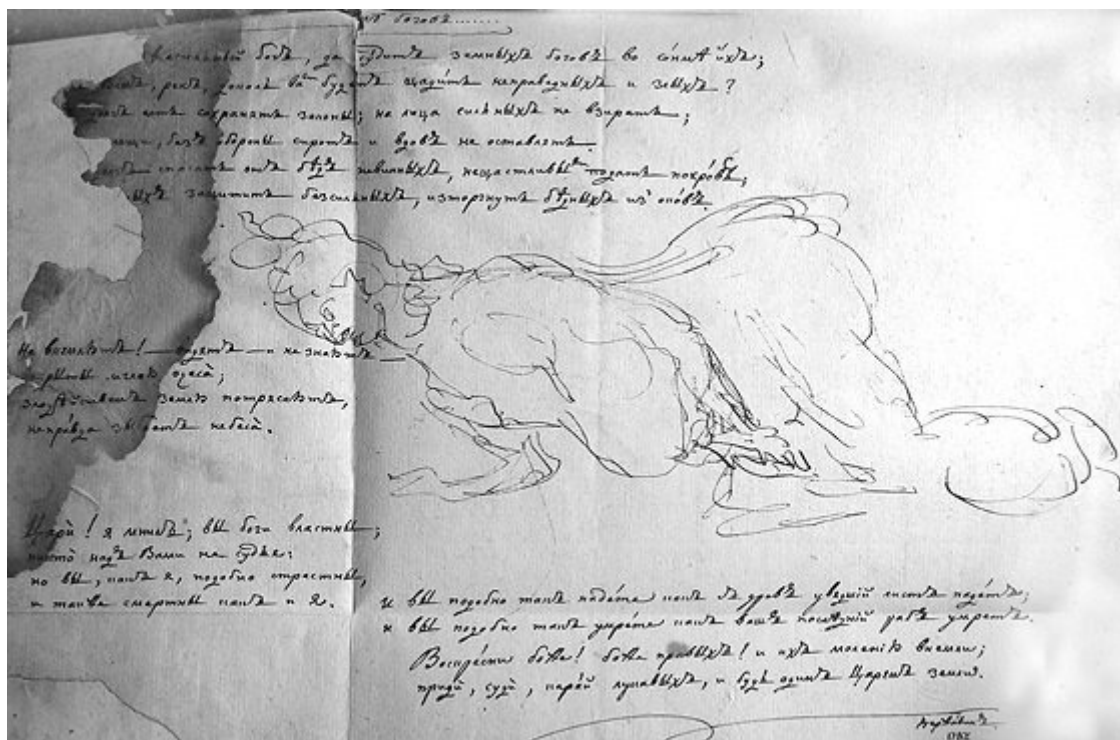
¹⁵ См.: *Космолинская Г. А.* К вопросу о портрете Ф. В. Каржавина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб., 2007. С. 140–143 (иллюстрации на вклейке между с. 692–693).

Ил. 2. Смеющийся мужчина – рисунок Ф. В. Каржавина, не ранее 1787 г.

Но пока мы вынуждены признать: единственным источником, дающим хотя бы какое-то представление о внешности Каржавина, остается паспорт, выданный ему французскими властями для поездки на остров Мартиника. Согласно этому документу, датированному 1776 г., «тридцатидвухлетний уроженец Петербурга» имел «рост около пяти футов и двух с половиной дюймов, волосы и брови темно русые, лицо овальное, полное»¹⁶. Немного для портрета. Сделать образ «русского парижанина» эпохи Просвещения более отчетливым скорее помогут его мысли, облеченные в слова, и дела, воссоздать которые, надеюсь, поможет эта книга.

¹⁶ «<...> agé de trent deux ans, taille d'environ cinq pieds deux pouces et demi, cheveux et sourcils châains, visage ovale, plein» – ИРЛИ РО. Ф. 93. Оп. 2. Д. 100. Л. 272.

Ил. 3. Ода Г. Р. Державина Властителям и судиям – автограф Ф. В. Каржавина, не ранее 1787 г.

Настоящее издание – первая публикация альбома Ф. В. Каржавина «Виды старого Парижа», который ныне хранится в рукописном фонде Научной библиотеки Московского государственного университета. Отсутствие исследований, связанных с этой рукописью¹⁷, позволяет заменить традиционный историографический обзор обширным перечнем литературы о Каржавине, который читатель найдет в конце книги. При этом не могу не сказать, что испытываю глубокую благодарность к моим предшественникам, труды которых всегда оставались для меня ценнейшим подспорьем в работе.

Все же одно исключение, считаю, здесь уместно будет сделать. Я имею в виду первую полноценную биографию Ф. В. Каржавина, так и не увидевшую свет, но долгие годы служившую источником и прочным основанием немалому числу исследователей, к ней обращавшихся. Хочется верить, что напоминанием об этой работе будет восстановлена несправедливо прерванная нить научного поиска и удастся хотя бы отчасти исполнить наш долг по отношению к памяти ученого, разделившего трагическую судьбу миллионов своих соотечественников.

Борис Иванович Коплан (1898–1941/1942?), выпускник историко-филологического факультета Петроградского университета, текстолог, библиограф, автор ряда работ о русских писателях XVIII–XIX веков, более десяти лет своей короткой жизни отдал Рукописному отделу Пушкинского Дома. Благодаря его усилиям и научной компетенции в фонды Отдела поступило свыше тридцати рукописных коллекций и архивов, в том числе автографы Г. Р. Державина, Львовых, А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого. Стихотворение двадцатипятилетнего Б. И. Коплана «Пушкинскому Дому» передает совершенно особую атмосферу Дома, ставшего ему родным, и отношение к Делу, которому он служил:

¹⁷ Единственная на сегодняшний день статья, посвященная атрибуции рукописи, носит ознакомительный характер: Космолинская Г. А. Неизвестный альбом Ф. В. Каржавина «Виды старого Парижа» // Панорама искусств. М., 1989. № 12. С. 338–352.

В старинных комнатах мы шутим иногда,
Благоговенья к ним исполненные дети.
Нет ничего для нас отраднее на свете,
Как вспоминать минувшие года
Не нашей жизни, нет. – Столетьем отдаленны,
Мы возвращаемся в мечтах, как наяву,
В век Александровский, священный, просвещенный,
Судивший нам и *лиру*, и *сову*.
Иных годин настигла нас череда.
И, современные, мы – что ж – несовременны.
Но ждут нас подвиги. И в мыслях неизменны,
В старинных комнатах мы шутим иногда¹⁸.

В 1929 году во время академической «чистки» ученого сначала уволили с работы, затем арестовали и в марте 1931-го приговорили к трем годам ссылки в Ульяновск. Там он служил статистиком на крахмальной фабрике, позже был переведен в Мелекесс. Вернувшись в ноябре 1933 года в Ленинград, он пытался продолжать работать: участвовал в различных изданиях, в 1940-м даже стал главным редактором «Древнерусского словаря». Но в 1941 году был вновь арестован и 9 декабря 1941-го (по другим сведениям, в 1942-м) расстрелян; реабилитирован посмертно.

В ульяновской ссылке Коплан сумел завершить прерванную работу над монографией, дав ей пространное название, стилизованное под XVIII век: «Иван Бах российский доктор, или Федор Васильевич Каржавин, русский американец, разных языков публичный учитель, в Кремлевской экспедиции архитекторский помощник, в Иностранной и Морской коллегиях актуариус и переводчик. Его жизнь, путешествия и приключения в Старом и Новом свете. 1745–1812 гг. По опубликованным и архивным документам <...>. Ульяновск (Симбирск) 1932 г.»¹⁹

Очевидно, судьба Каржавина, ставшего свидетелем мировых потрясений своего века, скитальца, отважно преодолевавшего расстояния и личные невзгоды, находила естественный отклик в душе ссыльного ученого. Работа над его биографией позволяла хотя бы мысленно вернуться в те самые «старинные комнаты», где право «шутить» оставалось неотъемлемым. Свой труд Коплан посвятил жене и помощнице, Софье Алексеевне Коплан-Шахматовой (1901–1942), ненадолго его пережившей²⁰.

В Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (РНБ) в Санкт-Петербурге хранится, помимо рукописной монографии Коплана, ее машинописный вариант под другим, более «академическим» названием: «Из истории литературы и культуры второй пол. XVIII в.: Федор Васильевич Каржавин»²¹. Появлению этого варианта предшествовал уже упоминавшийся отзыв Я. Л. Барскова от 8 мая 1934 года, замечания которого автор постарался учесть. Отзыв маститого ученого, в целом положительный, содержал рекомендации относительно того, как «изменить план книги <...> чтобы устранить перебои, нарушающие общий ход изложения», и пересмотреть оценки, которые Коплан, «став на <...> ложный путь», давал личности Каржавина и его трудам²². При всем при том Барсков не мог не отметить главного достоинства

¹⁸ Коплан Б. Старинный лад: Собрание стихотворений (1919–1940). М.: Водолей, 2012 (Серия: Серебряный век. Паралипоменон).

¹⁹ РНБ ОР. Ф. 370. № 5.

²⁰ «Посвящаю с любовью и радостью солнечному другу моему Софьюшке, зимою 1931 года вернувшей меня к этому труду, начатому и прерванному в 1929 г. в Ленинграде и оконченному в 1931 году в г. Ульяновске – Симбирске» – Там же. Л. 2.

²¹ РНБ ОР. Ф. 370. № 6.

²² Там же. № 55. Л. 2–3, 5.

рецензируемой работы – собранный в ней «превосходный материал, частью уже известный, но в значительной степени публикуемый впервые». Автор блестяще справился с задачей «дать возможно большее количество интересного материала», резюмировал Барсков и подчеркивал: «не только нельзя пожертвовать ни одним из публикуемых им документов, но желательно увеличить их число, если они имеются в архивах, хорошо автору известных»²³.

После первых основательных публикаций материалов из архива Ф. В. Каржавина, принятых в 1870-е годы П. П. Пекарским, Н. П. Дуровым, П. И. Бартеневым и другими, ленинградский ученый действительно сумел не только аккумулировать результаты разысканий своих предшественников, но и существенно обогатить их новыми материалами. Недаром в названии его монографии значится: «по опубликованным и архивным документам». Достаточно сказать, что «Записка парижского книгопродавца о Федоре Каржавине» (1760) долгое время была известна исследователям только благодаря неопубликованной монографии Коплана, где она приведена в русском переводе²⁴, а голландский дневник Каржавина «*Voiage [sic] d'Hollande en 1773. 16. VII*», из которого Н. П. Дуровым в свое время был опубликован лишь небольшой отрывок в русском переводе²⁵, помещен полностью на французском языке параллельно с русским переводом²⁶. Исследователей жизни и творчества Каржавина не перестает интересовать документальный потенциал замечательной монографии Коплана. Отметим также отсутствие в ней идеологических штампов, избежать которых в те времена (да и позже) удавалось немногим.

К сожалению, труд Коплана до сих пор остается незаслуженно забытым. Исследователи, обращавшиеся к нему как к ценнейшему источнику, почти не упоминали имени автора. Обойден молчанием вклад Коплана в изучение парижских писем юного Каржавина к отцу, хранящихся в Дашковском собрании Пушкинского Дома²⁷, из которых восемь были опубликованы полвека спустя в солидном академическом издании²⁸. Никаких сведений о работе Коплана не найдем мы и в статьях о Ф. В. и Е. Н. Каржавиных в «Словаре русских писателей XVIII века» (СПб., 1999). Редкие вскользь упоминания о его монографии, которая «не могла быть опубликована» якобы «из-за войны» или «по объективным причинам», создавали впечатление, что ее значимость была не слишком велика²⁹. Здесь уместно будет еще раз напомнить оценку, которую дал монографии Коплана (только что вернувшегося из ссылки!) Барсков, несмотря на ряд критических замечаний признававший: «<...> книга его, несомненно, явится ценным вкладом в историю русской литературы и общественности XVIII в.»³⁰ Также Григорий Александрович Гуковский, отстаивая ценность работы своего коллеги и друга³¹ (незадолго до его

²³ Там же. Л. 9. Здесь и далее подчеркивания в тексте принадлежат автору отзыва.

²⁴ РНБ ОР. Ф. 370. № 5. Французский подлинник этого документа, обнаруженный в АВПРИ, опубликован: Космолинская Г. А. Русский студент в Париже XVIII века: новые данные к биографии Ф. В. Каржавина // Новая и Новейшая история. 2020. Вып. 4. С. 157–178.

²⁵ Федор Васильевич Каржавин: его жизнь и похождения в старом и новом свете, 1745–1812 гг. / Сообщ. Н. П. Дуров // Русская старина. 1875. Т. 12. № 2. С. 297.

²⁶ РНБ ОР. Ф. 370. № 5. Л. 75–100. Оригинал голландского дневника хранится в собрании П. Я. Дашкова (ИРЛИ РО Ф. 93. Оп. 2. № 101).

²⁷ ИРЛИ РО. Ф. 93. Собр. П. Я. Дашкова. Оп. 2. № 100–101.

²⁸ Ф. В. Каржавин. Письма отцу / Публ. и коммент. С. Р. Долговой // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 224–241; на с. 239 в единственной ссылке на монографию Коплана номер единицы хранения указан ошибочно «5» (нужно: № 6, л. 35–39).

²⁹ Алексеев М. П. Филологические наблюдения Ф. В. Каржавина (Из истории русской филологии в XVIII в.) // Уч. зап. ЛГУ. 1961. № 299. Сер. филолог. наук. Вып. 59. С. 9; Долгова С. Р. Творческий путь Ф. В. Каржавина. Л., 1984. С. 5, зд. же – «глухие» ссылки на рукопись Коплана: с. 36 прим. 13 (номер ед. хр. «5» указан ошибочно, нужно: № 6), прим. 28 (место хранения «ГБЛ» указано ошибочно, нужно: ГПБ), прим. 31; с. 38 прим. 65 (номер ед. хр. «5» указан ошибочно, нужно: № 6); с. 41 прим. 106, и др.

³⁰ РНБ ОР. Ф. 370. № 55. Л. 9–10.

³¹ «Стансы» Коплана, посвященные Гуковскому, начинаются словами: «С тобой, о друг, поем, поем, / Старинной лирою бряцаю, / И, Серафимов созерцаю, / Творим восторженный псалом <...>».

второго ареста и гибели) в программной статье к сборнику «XVIII век», писал: «<...> богатый архивный и забытый печатный материал о Федоре Каржавине, давно ждущий своего опубликования и напоминания о себе, составит яркую страницу в истории русской культуры и литературы XVIII века»³².

---

³² *Гуковский Г. А.* Проблемы изучения русской литературы XVIII века // XVIII век. М.; Л., 1940. Сб. 2. С. 11. Г. А. Гуковский (1902–1950) дважды был арестован: в 1941 г. (отпущен через несколько месяцев) и в июле 1949 г., во время «борьбы с космополитами»; умер от сердечного приступа в московской тюрьме Лефортово.

Русский парижанин

Сегодня нет необходимости пересказывать все перипетии увлекательной биографии Федора Васильевича Каржавина, которая с разной степенью достоверности не раз была уже изложена и даже экранизирована. Однако для адекватного восприятия публикуемого здесь альбома «Виды старого Парижа» необходимо полнее осветить и по возможности уточнить парижскую составляющую этой биографии.

Обстоятельства своего появления в Париже сам Каржавин описал в официальной автобиографии довольно скупо. Следует учитывать, что мы имеем дело с официальным документом, предназначенным для подачи в Коллегию иностранных дел, и по понятным причинам многое в нем оставалось за скобками³³:

Родился я в Санктпетербурге, 20-го генваря 1745 г., от купца 1-й гильдии Василия Каржавина, который начал учить меня сам, на 6-м году, российской и латинской грамоте, также географии и вродил мне охоту к наукам, вследствие чего в 1752 году он повез меня с собой через Пруссию и Данциг, а оттуда в Лондон, из которого города переслал меня в Париж, где вступил в университет в 1755 году, определен студентом здешней иностранной коллегии в 1760 г. и продолжал учение свое, служа при Российских посольствах до 1765 года; в которое время возвращен в Россию <...>³⁴

Сообщая, что родился он «от купца 1-й гильдии», Каржавин сознательно допускал неточность. Его отец Василий Никитич Каржавин (?–1786), к тому времени уже покойный, действительно, в 1764 году перешел в купечество, но до того числился в «ямском звании»³⁵. Будучи человеком образованным, предприимчивым, с независимыми взглядами, он довольно успешно занимался торговлей, но не имел права выезда за границу. Однако этот запрет ему не раз случалось нарушать, поскольку именно внешнеторговые операции приносили немалый доход. Чтобы легализовать свою деятельность, он дважды на протяжении только 1755 года подавал прошение через своих покровителей о переходе в купеческое звание, но получал отказ³⁶. Добиться желаемого ему удалось, только когда Федору было уже 19 лет³⁷.

Отправившись в 1752 году в очередной раз нелегально за границу, Василий Никитич вывез с собой семилетнего сына «без всякаго ему позволения и пашпорта», как следует из поступившего на него позже доноса³⁸. Проторенным путем через Ригу и балтийский порт Данциг (Гданьск) Каржавины добрались до Лондона, откуда мальчик вместе с приехавшим за ним

³³ Автобиография датируется сентябрем 1788 г.; Каржавин готовил ее по возвращении из американских странствий, собираясь подать прошение о получении места «при посольских канцеляриях или при Консулских Канторах в чужих краях» (ИРЛИ РО. Ф. 93. Оп. 2. № 100. Л. 10). По мнению С. Р. Долговой, прошение подано не было, поскольку «официального ответа Коллегии иностранных дел разыскать так и не удалось» (Творческий путь Ф. В. Каржавина. С. 32).

³⁴ Вариант автобиографии Каржавина, считающийся утраченным, цит. по публикации Н. П. Дурова (Русская старина. 1875. Т. 12. № 2. С. 273).

³⁵ Каржавины – ямщики старообрядческой Рогожской ямской слободы, которые наряду с «ямской гоньбой» (доставкой государевой почты) традиционно занимались розничной торговлей, доставляя товары из Москвы в Старый Рогожский ям и обратно.

³⁶ «Челобитная моя и поныне спит, – с горечью писал он брату в Париж 2 декабря 1755 г. – У графа [А. Г. Разумовского] на новоселье был и рюмку венгерскова выпил, а управителю [Игнатию Соловцову] на 100 р. уже подарил, однако узнаваю, что и вторая моя челобитная для резолюции в заходе на рундук положится. Я по своему прошению срок положил и когда в срок удовольствия не получу, более никого утруждать не буду». Цит. по: Известия о братьях Каржавиных (1753–1760 годов) // Сборник ОРЯС. СПб., 1872. Т. 9. С. 419–420; там же см. письмо В. Н. Каржавина от 11 марта 1755 г.

³⁷ В. Н. Каржавин «был записан в купечество по именному е. и. в. указу 3 марта 1764 г.» – пишет со ссылкой на документы РГИА С. Р. Долгова (Творческий путь Ф. В. Каржавина. С. 35 прим. 8).

³⁸ Донос, поступивший в сыскное ведомство из Лондона 19 января 1756 г., опубликован: Архив князя Воронцова. Бумаги графа Михаила Ларионовича Воронцова / Под ред. П. И. Бартенева. М., 1871. Кн. 3. С. 308–319.

родным дядей, Ерофеем Никитичем Каржавиным (1719–1772), был отправлен обучаться в Париж. Младший брат отца, также незаконно покинувший Россию семью годами ранее и обучавшийся в парижской Сорбонне, взялся обеспечить племяннику «европейское образование», а предприимчивый «купец» со своей стороны обязался содержать в Париже обоих.

Василий Никитич, отправляя «Федюшу» учиться в Париж, прежде всего, ожидал, что мальчик хорошо освоит иностранные языки, необходимые для коммерции с европейскими странами. Тогда же он попытался развернуть свои торговые интересы в сторону Франции. Мечтая о прямых контактах со знаменитыми лионскими производителями сукна, шелка и галантереи, он делился планами с младшим братом, рассчитывая на его поддержку: «Хочу торговать, а в проценты не отдавать»³⁹. Но Ерофей Никитич оказался в этом деле плохим помощником – никакого желания становиться коммерческим агентом старшего брата у него не было. Кое-как соглашаясь вести его корреспонденцию, он отказывался ездить по торговым поручениям, не получая на то достаточно средств. Василий Никитич не унимался: «Корреспондента мне во Франции сыскать добраго и честнаго <...> Хорошо б из такова места [из Лиона] завести корреспонденту. Об оном хорошенько справься...» – настаивал он, игнорируя резоны брата⁴⁰.

Насколько старший брат был буквально одержим внешней торговлей («Очень меня заморский торг к себе волочет»)⁴¹, настолько младший – наукой. Студенту Сорбонны приходилось постоянно доказывать брату, что он не зря ест его хлеб в Париже, что наука откроет ему путь к «высокой фортуне», что, «получивши высокую дражайшую мудрость, фортуна достать при делах государственных уже легко будет»⁴². Прагматичный Василий Никитич поверить в это никак не мог и, все больше раздражаясь фантазиями брата, поддерживал видимость компромисса исключительно ради «Федюши».

Между тем роль Ерофея Никитича в жизни племянника была, по-видимому, весьма значительной. Его личный архив не сохранился, и о нем самом нам известно немного: воспитанник Сорбонны, лингвист, автор нетривиального сочинения о русском языке (1755), опубликованного много лет спустя его племянником⁴³, талантливый переводчик, первым познакомивший русских читателей с «Путешествиями Гулливера» (СПб., 1772–1773; 2-е изд. – М., 1780)⁴⁴. Он вернулся из Парижа в 1760 году архивариусом Коллегии иностранных дел, где в должности переводчика с английского и французского языков дослужился до чина поручика. В переписке со старшим братом характер Ерофея Никитича несколько раскрывается – эмоциональный, непокорный, ранимый⁴⁵.

В начале марта 1753 года он привез малолетнего племянника в Париж, а уже к осени стало ясно, что предварительный расчет их содержания – по 50 рублей в год «на каждую персону на все расходы и с учением» – оказался ошибочным. Василий Никитич, и без того недо-

³⁹ Письмо В. Н. Каржавина к брату в Париж от 15 июня 1753 г. // Сборник ОРЯС. 1872. Т. 9. С. 412.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 411.

⁴² Копия письма Ерофея Никитича из Парижа содержалась в доносе как доказательство неблагонадежности братьев, см.: Архив князя Воронцова. С. 315.

⁴³ [Karjavine E. N.] Remarques sur la langue russienne et sur son alphabet, avec des piéces relatives à la connoissance de cette langue. Publiées et augmentées par Phéodore Karjavine... Saint-Pétersbourg: [тип. Горного училища], 1791. См. также: Алексеев М. П. Филологические наблюдения Ф. В. Каржавина. С. 26–28; Полонская И. М. Книги из библиотеки и с автографами Ф. В. Каржавина. С. 146; Космолинская Г. А. Парижская библиотека Ф. В. Каржавина: новые находки // Книга. Исследования и материалы. М., 2013. № 99 (3/4). С. 184–187, 188 (3).

⁴⁴ Долгова С. Р. Каржавин Ерофей Никитич // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб., 1999. С. 44–46; Она же. Ерофей Каржавин – автор первого перевода «Путешествий Гулливера» на русский язык (опыт биографии) // Русская литература. 1978. № 1. С. 99–103.

⁴⁵ 5 писем В. Н. Каржавина к брату в Париж за 1753–1755 гг. опубли. в Сборнике ОРЯС (1872. Т. 9. С. 411–420); см. также: Космолинская Г. А. «Сей переводчик, уроженец Москвы, замечательная личность»: Ерофей Никитич Каржавин // Книга в информационном обществе. Ч. 2: Чтения им. И. М. Сикорского. Материалы тринадцатой Международной научной конференции по проблемам книговедения. Москва, 28–30 апреля 2014. М., 2014. С. 40–43.

вольный лишней статьей расхода («парижские расходы у меня всеконечно лишние пошли»), на просьбу брата увеличить сумму содержания до 300 рублей возмущался: «<...> когда ж требовать будет у меня Париж по 300 р. в год, то, друг мой, я не князь Куракин, который кормил в Париже Третьяковского!»⁴⁶ На следующий год сумма содержания оставалась прежней – не превысила 50 рублей на каждого, да и та высылалась частями с задержкой. По твердому убеждению Василия Никитича, «большую сумму денег в Париже не для чего держать», тогда как он мог бы отдавать эти деньги в рост: «У тебя 100 руб. год праздны пролежат, а я по крайней мере 20 р. на них получу», – объяснял он младшему брату, называя его «французским мотом»⁴⁷.

Странным образом меркантильные расчеты уживались в этом человеке с неподдельным чувством уважения к знанию. Нещадно критикуя брата за непрактичность, он вдруг с грустью признавался: «Я б к твоему делу [учебе] и сам пристал, да мое время давно далеко от меня ушло»⁴⁸. И к образованию сына он относился со всей серьезностью: требовал отчетов о ходе учения в коллеже, вникал в программы, сопоставлял их с «регулами», какими «управляется Академия» в Санкт-Петербурге. Буквально заклинал брата: «над Федюшей в науке крепкое старание имей», но одновременно давал понять, что ни под каким видом не потерпит излишних трат. Убеждая то ли брата, то ли себя самого, что получить образование можно и на родине⁴⁹, ссылаясь на академическую карьеру Ломоносова⁵⁰, грозился, если Ерофей Никитич не прекратит требовать денег, забрать «парнишка своего» обратно в Петербург «и для науки определить в Академию»⁵¹. Впадавшего в отчаяние младшего брата, не справлявшегося на чужбине со все возрастающими материальными заботами, помышлявшего иной раз даже «на себя руки наложить», Каржавин-старший резко отчитывал за малодушие и беспомощность⁵².

Но вскоре Василий Никитич и сам потерял самообладание. Описывая в письме к брату, как на обратном пути из Лондона испытал на себе «дьявольские русские привязки» и «досады» от Кронштадтской таможни, признавался: «так вкоренился страх, что с места тронуться не могу»⁵³. А через девять месяцев, отговаривая Ерофея Никитича возвращаться в Россию, писал уже открыто: не хочу, «чтоб ты въехавши под... плеть спину ставил, но хочу твое о выезде мнение отбить»⁵⁴.

В начале февраля 1756 года Василий Никитич был арестован по анонимному доносу, поступившему в сыскное ведомство из Лондона. Во время следствия выяснилось, что донос написал давний знакомый Каржавиных, беглый московский часовщик Петр Дементьев, через которого шла переписка братьев (одно из писем даже «осело» у него, став уликой). Опасность нависла и над Ерофеем Никитичем, который, по словам доносителя, находясь во Франции, «себя учинил врагом России»⁵⁵.

Между тем денежные поступления в Париж прекратились вовсе. Ерофей Никитич с малолетним племянником остались без средств к существованию. По счастью, в их окружении оказались друзья, готовые оказать им поддержку, в том числе материальную⁵⁶. Королевский

⁴⁶ Письмо от 23 ноября 1753 г. – цит. по: Сборник ОРЯС. 1872. Т. 9. С. 412, 413.

⁴⁷ Письмо от 4 октября 1754 г. // Там же. С. 415, 417.

⁴⁸ Там же. С. 414.

⁴⁹ Письмо от 23 ноября 1753 г.: «<...> всеми мерами стараются у нас обучать, какова б кто звания ни был, и ежели достоин будет профессорской должности, то от него не отымут» – Сборник ОРЯС. 1872. Т. 9. С. 412–413.

⁵⁰ См. письмо от 4 октября 1754 г. // Там же. С. 416.

⁵¹ Письмо от 23 ноября 1753 г. // Там же. С. 412.

⁵² Письмо от 4 октября 1754 г. // Там же. С. 415.

⁵³ Письмо от 11 марта 1755 г. // Там же. С. 418. Письмо было перлюстрировано, в Тайной канцелярии по нему задавали В. Н. Каржавину вопросы; не имеет окончания (плохая сохранность).

⁵⁴ Письмо от 2 декабря 1755 г. // Там же. С. 419. Письмо написано накануне ареста.

⁵⁵ Архив князя Воронцова. С. 316.

⁵⁶ См.: Notice historique sur la vie et les ouvrages de M. Barbeau de La Bruyère, mort en 1781 // Mercure de France. Samedi 26 janvier 1782. P. 152.

географ Филипп Бюаш⁵⁷ и его коллега Жан-Луи Барбо де ла Брюйер⁵⁸, дабы «обеспечить положение во Франции двух молодых русских, которых любовь к знаниям побудила покинуть свою страну»⁵⁹, принялись ходатайствовать о принятии их во французское подданство.

В официальной записке, которую в августе 1756 года Барбо де ла Брюйер подал всеильному министру Людовика XV графу д'Аржансону⁶⁰, сообщалось, что «русский подданный» Ерофей Каржавин, проживающий «около 10-ти лет» на нелегальном положении в Париже и принявший на свое попечение малолетнего племянника, дабы дать ему «основательное познание во всех науках», готов вместе с ним «преклонить колена пред престолом императора [?] французского»⁶¹. Большую убедительность этому ходатайству должен был придать политический резон «в виду ожидаемого союза между дворами нашим и русским»: россиянин, обладающий большим личным достоинством и обширными познаниями, будет весьма полезен для Франции⁶². Среди заслуг Ерофея Каржавина упоминалось также его сочинение о русском языке, которое ровно год назад, в июне 1755 года, было поднесено графу д'Аржансону через королевского географа Филиппа Бюаша.

Речь идет о рукописи «Essai sur le genie de la langue Russienne» (1755) с сопроводительным письмом Бюаша, аттестующим труд россиянина в самом лучшем свете⁶³. Французский ученый не скрывал своей симпатии к автору, «уроженцу Москвы», которого называл «замечательной личностью». В Каржавине, испытавшем на чужбине «столько страданий и невзгод, что трудно и выразить», его особенно трогало, с какой стойкостью тот переносил все свои несчастья – «как христианский философ»⁶⁴. Бюаш подтверждал переход Ерофея Никитича в католичество, о чем сообщал в своем доносе и Петр Дементьев. Но если в глазах француза обращение россиянина «лишь увеличивало в нем его добрые свойства»⁶⁵, то, по мнению доносителя, его соотечественник «лицемерно присягнул к Римской вере»⁶⁶. Кстати, он был недалек от истины: для новообращенных иностранцев во Франции предусматривался специальный пенсион. Так что дело могло быть вовсе не в религиозной индифферентности Ерофея Никитича – по словам Дементьева, «подлинного атеиста», – а в житейском прагматизме. Подношение сочинения Каржавина о русском языке влиятельному министру и покровителю наук было

⁵⁷ Philippe Buache (1700–1773) – выдающийся картограф, ученик и зять знаменитого картографа Гийома Делиля (брата астронома Жозефа-Никола Делиля), чье научное наследие Ф. Бюаш опубликовал.

⁵⁸ Jean-Louis Barbeau de la Bruyère (1710–1781) – географ, картограф, историк, литератор, лингвист, переводчик записок Страленберга о России (1757); его исследование о фонетике русского языка («Memoire d'observations sur quelques lettres russiennes à rendre exactement en François»), представленное на суд Французской академии в 1762 г., было опубликовано в 1791 г. в Санкт-Петербурге Ф. В. Каржавиным вместе с сочинением его дяди «Remarques sur la langue russe» (1755).

⁵⁹ Notice historique sur la vie et les ouvrages de M. Barbeau de La Bruyère, mort en 1781. P. 152.

⁶⁰ Марк-Пьер де Вуайе де Польми, граф д'Аржансон (Marc-Pierre de Voyer de Paulmy, comte d'Argenson, 1696–1764) – военный министр и член Королевского совета (1742–1757), самый влиятельный (после отставки в 1749 г. графа Морепа) человек в правительстве Людовика XV; почетный член Академии наук (1726) и Академии надписей (1748), будучи директором королевской Палаты книгопечатания и книготорговли (1738–1740), покровительствовал энциклопедистам, см.: *Combeau Y. Le comte d'Argenson, Ministre de Louis XV (1696–1764)*. Paris, 1999.

⁶¹ Русская старина, 1875. Т. 12. № 2. С. 297. Здесь и далее записка Барбо де ла Брюйера цитируется по русскому переводу, опубликованному Н. П. Дуровым; ее черновая французская версия – «Memoire pour le Sieur Karjavine, natif de Moscou» – хранится в ИРЛИ: РО. Ф. 93. Оп. 2. № 100. Л. 251–251 об., 253–253 об., 255–255 об. (на л. 255 подпись Барбо, на л. 255 об. копии двух удостоверений об успехах Ф. Каржавина в коллеже).

⁶² Русская старина, 1875. Т. 12. № 2. С. 294.

⁶³ «Essai sur le genie de la langue Russienne et sur ses rapports avec la Grecque. Par Ierothée Nikitine (c'est à dire fils de Nikita) Karjavine, interprète Rusien, natif de Moskva (ou Moscou), capitale de Russie et demeurant depuis dix ans en France. A Paris, M.DCC.LV» – Bibliothèque d'Arsehal (Paris), MS 8807.

⁶⁴ Письмо Бюаша см.: *Космолинская Г. А. Парижская библиотека Ф. В. Каржавина*. С. 190–191. Приложение II.

⁶⁵ Там же. С. 191.

⁶⁶ Архив князя Воронцова. С. 316.

иницировано как раз с целью помочь бедствовавшему автору «получить пенсион для новообращенных, представив все необходимые к тому аттестации»⁶⁷.

В письме Бюаша (а затем и в записке Барбо де ла Брюйера) обращает на себя внимание упоминание о малолетнем племяннике *Theodore*, которого Ерофей Каржавин «заботливо воспитывает, несмотря на свои невзгоды»⁶⁸. Оба доброжелателя Каржавиных всячески расхваливали любознательность и необыкновенные способности русского мальчика, которому предстояло вместе с дядей преклонить колена перед французским престолом.

Ходатайства французских ученых удовлетворены не были. Всесильный министр д'Аржансон, на которого возлагались надежды, сам был отправлен в отставку в начале 1757 года, пав жертвой интриг маркизы де Помпадур. Не получив обещанной должности переводчика при Королевской библиотеке, Ерофей Никитич оказался «не в состоянии добывать себе и любимому племяннику необходимое содержание» и вынужден был искать для «Федюши» опекуна⁶⁹. При содействии того же Филиппа Бюаша принять мальчика «на свое попечение и свой счет» согласился парижский книготорговец с улицы Сен-Жак, Жан-Тома Эррисан⁷⁰.

Самому же Ерофею Никитичу ничего не оставалось, как вернуться в Россию, но сделать это, учитывая его статус беглого, было непросто. Пришлось обращаться за помощью к старшему брату и к влиятельному негоднику Жану Мишелю⁷¹ – оба пользовались покровительством канцлера Михаила Илларионовича Воронцова и имели возможность просить его о содействии⁷².

Канцлер с готовностью взялся за это дело и 28 апреля 1760 года направил князю Дмитрию Михайловичу Голицыну, фактически исполнявшему обязанности посла в Париже⁷³, письмо, которым гарантировал Каржавину безопасное возвращение в Россию⁷⁴. Речь в нем шла не только о судьбе Ерофея, но и о легализации пребывания в Париже пятнадцатилетнего Федора, который также числился беглым. Предполагалось, что юношу можно будет употребить на службе при канцелярии Парижской миссии, но прежде дать ему возможность закончить учебу, положив жалованье «студента миссии» – 300 рублей в год. «Отец сего молодого человека – писал Воронцов, – крайне о том просит, желая его видеть достойным к службе Ея Императорского Величества»⁷⁵.

24 августа того же года последовал именной императорский указ, которым Ерофей Каржавин и его племянник Федор «за самовольную отлучку» в Париж всемилостивейше прощались с оговоркой: «хотя справедливо заслуживали бы должное наказание» в назидание другим («дабы упущением им того другим вредного примера не подать»). Ерофею Никитичу позволялось вернуться на родину, а Федор был оставлен в Париже на легальных основаниях – в

⁶⁷ Космолинская Г. А. Парижская библиотека Ф. В. Каржавина. С. 191.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Записка о Федоре Каржавине книготорговца Ж.-Т. Эррисана (1760). Цит. по: Космолинская Г. А. Русский студент в Париже XVIII века. С. 167.

⁷⁰ Jean-Thomas Hérisant (1704–1772). См.: Mellot J.-D., Queval É., avec coll. de Monaque A. Répertoire d'imprimeurs / libraires (vers 1500 – vers 1810). Paris, 2004. P. 288; см. также: Космолинская Г. А. Русский студент в Париже XVIII века.

⁷¹ Jean Michel (1721–1783), уроженец Петербурга, в 1750-е годы кредитовал значительные суммы графу Воронцову, выполнял его дипломатические и прочие поручения в Париже, будучи с 1755 г. французским дипломатическим агентом. Подробнее см.: Les Français en Russie au siècle des Lumières. Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones européens en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier / sous la dir. de A. Mézin, V. Rjéoutski. Ferney-Voltaire, 2011. Vol. 2. P. 600–602.

⁷² О связях братьев Каржавиных при дворе упоминалось и в доносе Дементьева: «Да ж они же Василий и Ерофей похвалялись, что у них есть дружество с некоторыми и вельможными персонами, к которым они прислужились, а оные им помогают в их трудностях». Архив князя Воронцова. С. 313.

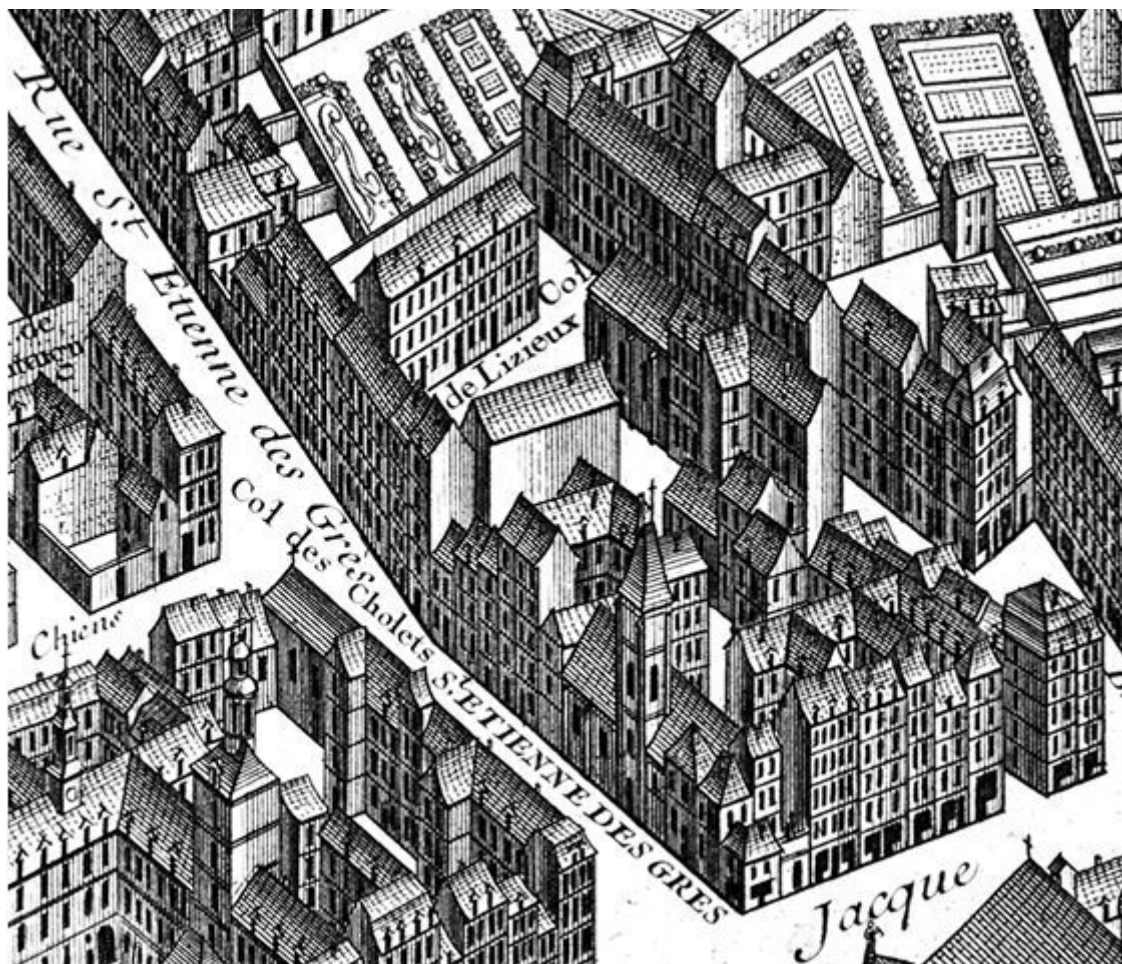
⁷³ Д. М. Голицын (1721–1793) находился в Париж при заболевшем М. П. Бестужева-Рюмина (1688–1760) вплоть до 28 мая 1761 г., когда был назначен послом в Вену.

⁷⁴ АВПРИ. Парижская миссия. Оп. 94/1. 1760 г. № 7. Л. 2.

⁷⁵ Там же; см. также: Космолинская Г. А. Русский студент в Париже XVIII века. С. 163.

статусе студента Коллегии иностранных дел при Парижской миссии «до окончания начатых наук»⁷⁶.

Вскоре было прекращено и «дело братьев Каржавиных»: донос Дементьева признали подлежащим сожжению как «пасквильный» на основании указа «О сожигании подметных писем...» от 11 августа 1732 года⁷⁷; к тому же самого доносителя уже несколько лет как не было в живых. Василий Никитич был прощен, хотя ему за «увоз сына» и за то, что он «без всякого ему позволения и пашпорта ездил в Англию», изначально грозило жестокое наказание «по силе Уложения 6-й главы четвертаго пункта»⁷⁸.

Ил. 4. Коллеж Лизьё на «плане Тюрго» 1739 г.

Примечательно, что незадолго до указа о прощении беглецов Эррисан, парижский опекун Федора Каржавина, подал Д. М. Голицыну свой «Mémoire concernant Theodore Karjavine de Saint Petersbourg»⁷⁹, в котором, обращаясь к русской императрице, выражал желание и далее опекать ее подданного. Он представил подробный отчет об успехах в «школах» своего подопечного, достигнутых исключительно благодаря его, Эррисана, неусыпным заботам. История

⁷⁶ АВПРИ. Внутренние коллежские дела (далее – ВКД). Оп. 2/1. № 2142, 1760–1763 г. Л. 1–1 об. (копия указа).

⁷⁷ ПСЗ. Первое собрание (1649–1825). СПб., 1830. Т. 8. № 6150.

⁷⁸ Пекарский П. П. Известия о братьях Коржавиных (1743–1760 годов) // Сборник ОРЯС. 1872. Т. 9. С. 410–411.

⁷⁹ АВПРИ. Ф. 94 Парижская миссия. Оп. 94/1. № 7. 1760 г. Л. 14–16 об.; см. также: Космолинская Г. А. Русский студент в Париже XVIII века. С. 164–167.

обучения российского подданного в Париже в изложении его французского опекуна делилась на два этапа: до опекуинства и во время опекуинства.

До декабря 1756 года мальчик посещал коллеж Лизьё (ил. 4)⁸⁰, куда его определил родной дядя и где он показывал «блестящие успехи» в латинской и французской грамматике, «аттестовался постоянно первым» и был одним из немногих стипендиатов⁸¹. Однако Эриссан, строгий приверженец янсенизма⁸², принял решение изменить ход обучения. Его насторожил интерес мальчика к «экспериментальной физике», который поощряли наставники коллежа, позволяя ему посещать публичные лекции популярного в Париже «аббата Нолле» (ил. 5, 6)⁸³. Усмотрев в этом потенциальную угрозу своей образовательной концепции, Эриссан «заблагорассудил приостановить эти занятия», поскольку счел, что «заманчивость и беспредельная обширность физики» могли отклонить учащегося от главного⁸⁴.

---

⁸⁰ Университетский коллеж Лизьё (Lisieux) или Торси (Torcy), основанный Ги д'Аркурром, епископом Лизьё в 1336 г., с XV в. размещался в зданиях коллежа Торси в квартале Сен-Жак на улице Сент-Этьен-де-Гре (*совр. rue Cujas*), см.: *Compère M.-M. Les collèges français, 16e–18e siècles. Répertoire 3* – Paris. Paris, 2002. P. 210–218.

⁸¹ С 1750 г. из-за финансовых проблем коллеж Лизьё был вынужден максимально сократить число своих стипендиатов.

⁸² Религиозное учение нидерландского теолога Корнелия Янсения (1585–1638), утверждающее пессимистический взгляд на человеческую природу, изначально испорченную первородным грехом. Постулаты, изложенные в его сочинении «Августин» (посмертное издание в 1640 г.), послужили толчком к оформлению янсенизма как течения.

⁸³ *Космолинская Г. А. Русский студент в Париже XVIII века. С. 167–168.* Жан-Антуан Нолле (Jean-Antoine Nollet, 1700–1770) – известный французский естествоиспытатель, физик-экспериментатор, изобретатель электроскопа (1747), член парижской Академии наук (1739), профессор Наваррского коллежа (1753), автор популярного учебника по экспериментальной физике «*Leçons de physique expérimentale*» (Paris, 1743–1764, 6 vol.) и многих трудов в области электричества, молекулярной физики, оптики.

⁸⁴ См.: *Космолинская Г. А. Русский студент в Париже XVIII века. С. 174–175.*

*J. A. Nollet, de l'academie R^{le} des Sciences,
de la société Royale de Londres, de l'institut de
Bologne, &c. Maître de physique et d'histoire
naturelle des Enfants de France, et Profes-
seur Royal de physique expérimentale au
College de Navarre.*

A Paris chez l'Auteur Graveur du Roy rue St Jacques.

Ил. 5. Аббат Нолле, физик-экспериментатор. XVIII в.

Ил. 6. Кабинет экспериментальной физики аббата Нолле, 1745 г.

В соответствии с педагогической доктриной янсенизма подопечный Эррисана должен был все свое время посвящать «исключительно словесным наукам, которые ему более другого необходимо было изучить в совершенстве»⁸⁵. С этой целью в декабре 1756 года Федор был определен в янсенистский «пансион г-на Савуре на улице Копо» с установленной платой за содержание «до 600 ливров» в год⁸⁶.

Жан-Луи Савуре (Jean-Louis Savouré, 1705–1770) – бывший профессор университетского коллежа Святой Варвары (Sainte-Barbe), покинутый им из-за несогласия с системой преподавания иезуитов, победивших в теологическом споре, инициированном кардиналом де Флёрри с целью изгнания янсенистов из Сорбонны. В 1729 году Савуре основал частное учебное заведение и пансион (Institution Savouré) под идейным патронажем бывшего ректора Сорбонны Шарля Роллена⁸⁷. Вплоть до 1770-х годов пансион размещался на улице Копо (Coraue, *совр.* rue Lacépède) в здании, имевшем выход через сад прямо к дому Роллена на улице Нёв Сент-Этьен (*совр.* rue Rollin)⁸⁸. Пансионеры Савуре ходили обучаться в коллеж Бове (ил. 7) на улице Сен-Жан-де-Бове (*совр.* rue Jean-de-Beauvais), остававшийся в то время последним оплотом янсенизма в университете⁸⁹.

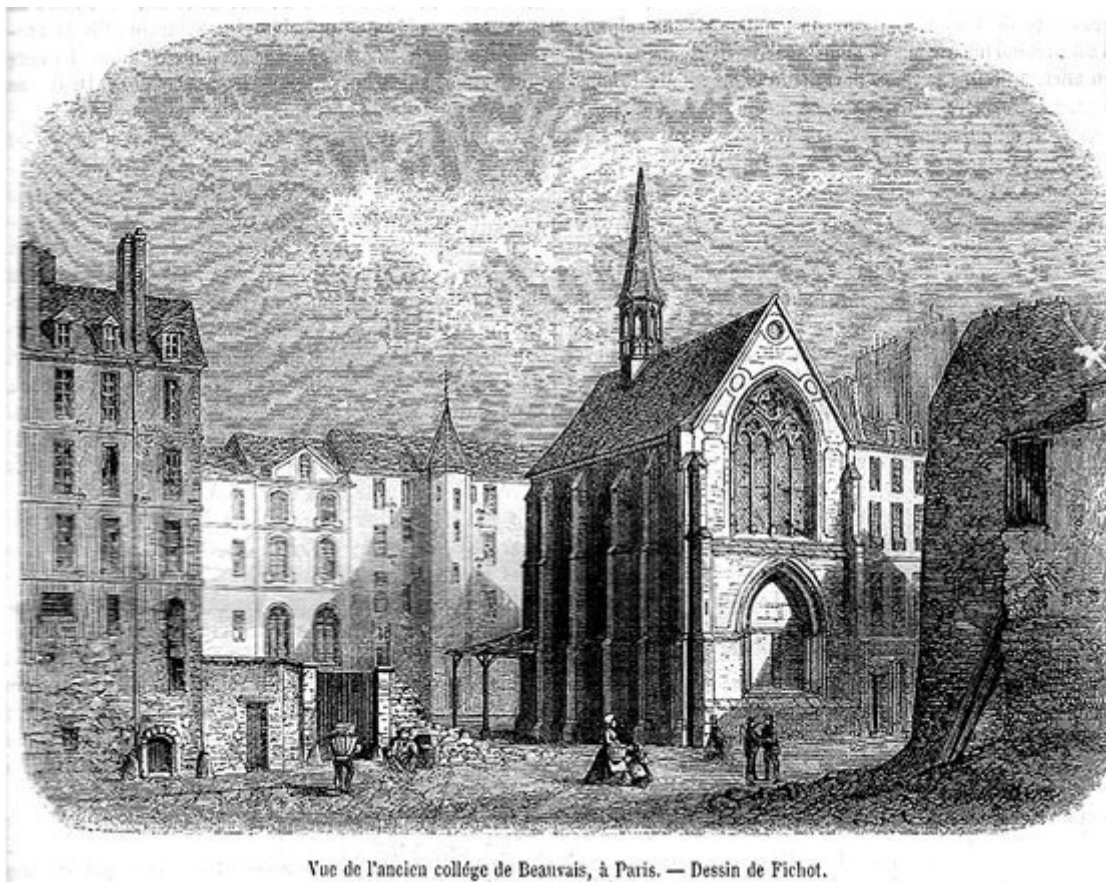
⁸⁵ Там же. С. 168.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Lacroix L. Notice historique sur l'Institution Savouré. Paris, 1853. P. 7–10; Compère M.-M. Les pensions à Paris (1789–1820) // Revue du Nord. Année 1996. P. 823–835.

⁸⁸ Sacy J. de. La démolition de la pension Savouré 25, rue de la Clef à Paris // Bulletin de la Société pour la protection des paysages et de l'esthétique générale de la France. Paris, 1969. С. 7.

⁸⁹ Коллеж Бове или Дорман-Бове (Dormans-Beauvais), основанный в 1370 г. Жаном де Дорманом, епископом Бове, канцлером Франции; в XVIII в. – один из десяти университетских «grands collèges», то есть учебных заведений с преподаванием полного цикла «словесных» наук и философии. Многие члены Парижского парламента предпочитали отдавать сюда своих детей, в свое время здесь обучались Сирано де Бержерак, Расин, Буало, Шарль Перро и другие известные люди. В 1764 г. Бове, в числе других университетских коллежей, был поглощен новообразованным иезуитским коллежем Людовика Великого (бывший Клермонский коллеж). См.: Chapotin M.-D. Une page de l'histoire du vieux Paris. Le Collège de Dormans-Beauvais et la Chapelle Saint-Jean-l'Évangéliste. Paris, 1870; Launay A. L'ancien collège de Beauvais (1545–1791) // Bulletin de la Société d'études historiques, géographiques et scientifiques de la région parisienne. 1954. № 82–83 (janvier-juin). P. 1–20; № 84 (juillet-septembre). P. 11–27; Compère M.-M. Les collèges français, 16e–18e siècles. P. 94–105.

Vue de l'ancien collège de Beauvais, à Paris. — Dessin de Fichot.

Ил. 7. Коллеж Бове, рисунок 1861 г.

В коллеже Бове Каржавин в течение четырех лет был довольно успешен и дважды даже избирался для соискательства университетской премии, которую Парижский университет ежегодно с большой торжественностью «в присутствии парламента» вручал способнейшим молодым людям из всех коллежей⁹⁰. Князь Д. М. Голицын, в 1760-м лично инспектировавший знания Каржавина, доносил в Коллегию иностранных дел, что «из сего молодого человека может быть со временем искусной профессор»⁹¹.

В сентябре 1761 года Эриссан, к которому Коллегия отнеслась весьма благосклонно, проdlив его опекунские полномочия⁹², поместил своего подопечного в дом профессора греческого языка и литературы Королевского коллежа Жана Вовилье⁹³. Каржавин вынужден был провести в пансионе Вовилье год и девять месяцев (до мая 1763), находя свое положение там несносным. Пытаясь бунтовать, он убеждал отца, ревностно следившего за его успехами в учебе, в нерадении опекунов к его образованию:

В своих последних письмах я подробно обрисовал вам *жалкое положение*, в котором нахожусь, каков план моих занятий и как неточно он выполняется <...> Я должен был изучать философию, геометрию,

⁹⁰ Космолинская Г. А. Русский студент в Париже XVIII века. С. 169.

⁹¹ Письмо Д. М. Голицына канцлеру Воронцову, Париж, 10/21 августа 1760 г. // АВПРИ. ВКД. Оп. 2/1. № 2142. 1760–1763 г. Л. 4–4 об.

⁹² См.: Космолинская Г. А. Русский студент в Париже XVIII века. С. 170–171.

⁹³ Jean Vauvilliers (1698–1766); не следует путать с его сыном – известным эллинистом Жаном-Франсуа Вовилье (1737–1801), с которым Каржавин также поддерживал отношения, см.: Космолинская Г. А. Ф. В. Каржавин – хранитель рукописей Королевской библиотеки в Париже: несостоявшаяся карьера // Век Просвещения. М., 2011. Вып. 3. С. 243–244.

алгебру, математику, географию, историю, рисование, английский, немецкий, итальянский, учиться танцевать, заниматься фехтованием, верховой ездой и т. д. В течение 10 месяцев, что я нахожусь у г-на Вовилье, я еще не начинал ничем заниматься. Изучаю я только философию в коллеже, и это все. <...> В будущем году меня не заставят делать больше, чем в нынешнем, под тем предлогом, что мне надлежит сделаться магистром искусств в октябре 1763 года. Мне надо будет повторить всю философию, а это потребует много времени, хотя и не сделает меня более ученым <...>⁹⁴

«Жалкое положение», в котором русский студент оказался в Париже, отчасти было следствием распоряжения Коллегии (и лично канцлера Воронцова), позволявшего Эриссану единолично распоряжаться жалованьем своего подопечного⁹⁵. Разумеется, Каржавин не мог быть этим доволен. К тому же он был уверен, что опекуны (Эриссан и Вовилье) дезинформировали Василия Никитича насчет его поведения и состояния дел в учебе, и всеми силами пытался настроить против них отца. Жаловаться на ущербность учебной программы было единственно правильной тактикой, которую он и выбрал.

Между тем наибольшее возмущение семнадцатилетнего юноши вызывали строгие запреты, окружавшие его в пансионе. Ведь еще ребенком он приохотился посещать с «дядюшкой» парижские театры и парки, осматривать книжные лавки, «публичные библиотеки и кабинеты ученых» – знакомиться со всем, «что было примечательного в Париже»⁹⁶. И такой образ жизни доставлял ему огромное удовольствие: «Всякой день гулящей [т. е. выходной. – Г. К.] гулять хожу с дядюшкой в поля и в сады королевские, – писал мальчик отцу. – В Париже мне жить весело, да веселее бы мне еще было ежели бы ты, матушка, братец, да сестрицы здесь со мной были»⁹⁷.

Порядки в пансионе становились несносными для Каржавина по мере его взросления. Юношу возмущали запреты выходить одному из дома, гулять по городу, посещать друзей и даже богослужения в доме русского посланника графа П. Г. Чернышова. О развлечениях не могло быть и речи. Он жаловался отцу: «<...> г-н Вовилье прогнал бы меня, а г-н Гериссан измучил бы своими глупостями, если бы узнали они, что я хоть единожды побывал в Комедии и на других спектаклях»⁹⁸. И сокрушался, явно сгущая краски, что по возвращении в Петербург не будет «иметь и понятия о том, что такое Париж, Версаль и французский двор», и станет «настоящим разиней, который, где ни появится, всему дивится»⁹⁹.

Недостаток свободы ему отчасти возмещали книги. «Чтение – моя страсть, – не боялся признаваться Федор в книжных трагатах, уверенный, что отец его не осудит. – Вы мне поверите, насколько я люблю хорошие французские книги и книги любопытные»¹⁰⁰. Из своих скудных средств он выкраивал деньги на приобретение французских изданий «по философии, физике, ботанике, хирургии, химии» и особенно гордился, что сумел заполучить вышедший пятью

⁹⁴ Письмо от 15/26 июля 1762 г. // Письма русских писателей XVIII века. № 4. Здесь и далее курсив в цитатах мой. – Г. К.

⁹⁵ «И так, когда он [Каржавин] во власть и смотрение книгопродавца Гериссана отдается, то и признается за нужно, чтоб он в руках своих и <...> жалованье его триста рублей в год имел» – АВПРИ. Ф. 94 Парижская миссия. Оп. 94/1. 1760 г. № 7. Л. 7.

⁹⁶ Письмо к отцу от 15/26 июля 1762 г. // Письма русских писателей XVIII века. № 4.

⁹⁷ Письмо к отцу от 15/26 апреля 1755 г. // ИРЛИ РО. Ф. 93. Оп. 2. № 100. Л. 24 – русский автограф (то же – на латинском и французском языках).

⁹⁸ Письмо к отцу от 15/26 июля 1762 г. // Письма русских писателей XVIII века. № 4.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Письмо от 15 / 26 сентября 1761 г. – цит. по рукописи Б. И. Коплана (РНБ ОР. Ф. 370. № 5. Л. 33 об. – 34); о чтении Каржавина см. также: Космолинская Г. А. «Вы мне поверите, насколько я люблю хорошие французские книги...» (русский парижанин *Théodore Karjavine*) // Книга: Исследования и материалы. М., 2009. Сб. 90/1–II. С. 193–204.

годами ранее «труд барона Страленберга о Российской империи»¹⁰¹, переведенный на французский язык с немецкого г-ном Барбо, близким другом дядюшки и моим также»¹⁰².

В некрологе Барбо де ла Брюйера (1781) действительно сообщалось, что к работе над переводом Страленберга переводчик привлек двух «молодых русских, находившихся под его опекой»¹⁰³, – это были Ерофей Каржавин и его совсем еще юный племянник. Так мы узнаем об опеке, которая при явно недостаточной поддержке из России стала еще одним источником существования Каржавиных в Париже, по-видимому, немаловажным:

Около 1756 года он [Барбо де ла Брюйер] бесчисленное количество раз хлопотал, чтобы упрочить положение во Франции двух молодых русских, которые покинули свою страну, движимые любовью к знаниям; и хоть сам он не был обеспеченным человеком, пожертвовал им свою ренту в 400 ливров – единственное богатство, доставшееся ему от отца <...>¹⁰⁴

Мы не знаем, была ли эта выплата разовой или неоднократной, передавалась ли сумма в руки подопечным (что маловероятно) или была израсходована на их содержание, жилье, стол, одежду, обучение. Но в контексте наметившегося после 1755 года сближения между Россией и Францией сотрудничество с носителем русского языка при подготовке издания «труда Страленберга о Российской империи», очевидно, представлялось достаточно важным – требующим вознаграждения.

Примечательно, насколько велика была в это время государственная надобность в людях типа Ерофея Каржавина и как непросто было найти их в Париже: «<...> ибо не находится такой россиянин, который владел бы нашим языком и был бы расположен обосноваться во Франции», – писал в том же 1755 году другой благодетель Каржавиных, Филипп Бюаш, прощупывая возможность улучшить положение своих русских друзей во Франции¹⁰⁵. При этом он подчеркивал, что для государства были бы весьма полезны переводы Ерофея Каржавина, касающиеся истории и географии России, которые «позволят лучше узнать нацию, выдающуюся сегодня в Европе»¹⁰⁶.

Важно подчеркнуть, что в то же самое время возобновились попытки янсенистов (к которым принадлежал Барбо де ла Брюйер) вернуть в общественное поле дискуссию об объединении церквей. К жизни был вызван старый «Проект объединения русской православной и католической Церквей, представленный в 1717 г. Петру I докторами Сорбонны»¹⁰⁷, который Барбо де ла Брюйер поместил в приложении к переводу Страленберга; содержание документа он наверняка обсуждал со своими русскими помощниками.

Очень важно, что еще ребенком Федор получил возможность общаться с известными французскими учеными, осматривать их библиотеки и коллекции, наблюдать за опытами в

---

¹⁰¹ Description historique de l'empire russe, traduite de l'ouvrage allemand de M. le baron de Strahlenberg... / [trad. par Barbeau de La Bruyère]. Amsterdam; Paris: Desaint & Saillant, 1757. 2 vol.

¹⁰² Письмо к отцу от 15 / 26 июля 1762 г. // Письма русских писателей XVIII века. № 4.

¹⁰³ Notice historique sur la vie et les ouvrages de M. Barbeau de La Bruyère, mort en 1781. P. 152.

¹⁰⁴ «Vers 1756, il fit des démarches sans nombre pour procurer un état en France à deux jeunes Russes que l'amour des Lettres avoit engagés à sortir de leur pays; &, quoiqu'il n'ait jamais eu d'aisance, il sacrifia pour eux un contrat de 400 liv. de rente, seul bien qu'il eût recueilli de la fortune de son père <...>» (Ibid).

¹⁰⁵ Космолинская Г. А. Парижская библиотека Ф. В. Каржавина. С. 191. Ф. Бюаш первым высказал в 1755 г. мысль о возможном переходе Каржавина на службу к французскому королю, что подтверждает в своей записке Барбо де ла Брюйер: «<...> одному из друзей его [Ерофея Каржавина] пришло на мысль представить королю и его министрам, что было бы весьма полезно ученому миру (и может быть даже министерству) воспользоваться трудами г-на Каржавина, если его величество, по примеру своих славных предшественников, удостоит принять его под свое покровительство <...>» (Русская старина. 1875. Т. 12. № 2. С. 294).

¹⁰⁶ Космолинская Г. А. Парижская библиотека Ф. В. Каржавина. С. 191.

¹⁰⁷ Подробнее об этом проекте см.: Успенский Б. А., Шшикин А. Б. Третьяковский и янсенисты // Успенский Б. А. Вокруг Третьяковского. Труды по истории русского языка и русской литературы. М., 2008. С. 319–456.

лабораториях, наконец, он приобрел их поддержку, которая пригодилась ему в будущем. Когда в августе 1763 года юноша освободился от опеки Эриссана и Вовилье, на некоторое время он нашел приют в доме астронома Жозефа-Никола Делиля (1688–1768)¹⁰⁸, который не только открыл для него двери своей библиотеки, но и одарил своими «бумагами», в том числе – двумя редкими метеорологическими таблицами, пригодившимися позже в работе над русским переводом Витрувия¹⁰⁹. Не приходится сомневаться, что новая обсерватория, основанная Делилем в 1747 году, сразу после его возвращения из России, также была доступна Каржавину. Там в башне особняка Ключи трудились знаменитые в будущем астрономы – Жозеф-Жером Лефрансуа де Лаланд (1732–1807), автор капитальной, переведенной на многие европейские языки «Астрономии» (Paris, 1764), Шарль Мессье (1730–1817), прозванный «охотником за кометами», и другие.

В то время астрономия возбуждала всеобщее любопытство, даже женщины, благодаря Фонтенелю (ил. 8), не оставались в стороне¹¹⁰. Молодому человеку на редкость повезло: он имел неограниченную возможность присутствовать в обсерватории, где на его глазах происходило изучение «множества миров». 1 марта 1764 года он приготовился самостоятельно наблюдать солнечное затмение, но «погода в Париже и на 8 лье в округе была такая пасмурная, что невозможно было что-либо увидеть». Неудача не охладила пыл Федора, и в письме к отцу он выражал уверенность, что в будущем обязательно представит ему результаты своих астрономических наблюдений¹¹¹.

---

¹⁰⁸ В России Делиль прожил с 1725 по 1747 г.; приглашенный академик петербургской Академии наук возглавлял астрономические работы, необходимые для картографирования территории.

¹⁰⁹ Каржавин поместил таблицы в примечаниях к переводу, пояснив, что нашел их, «будучи в Париже <...> между бумагами, доставшимися мне от господина Делиля, первого королевского астронома в 1763м году» – Марка Витрувия Поллиона Об архитектуре, книга первая и вторая... С примечаниями... г. Перо... [перевод Ф. В. Каржавина]. СПб.: при имп. Акад. наук, 1790 [1785]. С. 127.

¹¹⁰ Бернар Ле Бовье де Фонтенель (1657–1757) адресовал свои «Разговоры о множестве миров» (Paris, 1686) прежде всего дамам, но популярность его книги вплоть до XIX в. была несравненно шире; сразу после выхода «Разговоры» были переведены почти на все европейские языки, в том числе на русский (перевод А. Кантемира, 1740).

¹¹¹ Письмо к отцу, Париж, 5/16 марта 1764 г. // Письма русских писателей XVIII века. № 6.

Ил. 8. Фонтенель, размышляющий о множестве миров, 1791 г.

Случай Каржавина, отправленного в Париж за образованием, позволяет предметно очертить круг знаний, которые предлагал иностранцу общепризнанный центр европейской цивилизации. Федор принадлежал к числу тех, кто готов был все это осваивать. Незадолго до отъезда в Россию, отчитываясь отцу в своих достижениях, он писал, что изучил «французский язык, латынь, латинскую поэзию, немножко древнегреческий язык, риторику, в которой заключено красноречие французское и латинское, философию, географию». Особой строкой упоминалась «опытная физика», которую, «могу похвастать, – заявлял он, – знаю лучше, чем французский язык»¹¹². Лекции по экспериментальной физике Каржавин продолжал посещать до самого отъезда на родину¹¹³. Он также, по свидетельству Филиппа Бюаша, был силен в математике и в «рисовальной науке»¹¹⁴.

Этот список оказался намного длиннее, когда по прибытии в Санкт-Петербург Каржавин, как полагалось, подал в Коллегию иностранных дел «Déclaration», где подробно «объявлял», чему обучился за время пребывания в Париже¹¹⁵. В делах Коллегии отложился также черновой русский перевод этого документа, написанный от третьего лица:

¹¹² Письмо от 28 января / 7 февраля 1764 г. – цит. по монографии Б. И. Коплана (РНБ ОР. Ф. 379. № 6. Л. 47); французский оригинал хранится в ИРЛИ РО. Ф. 93. Оп. 2. № 100. Л. 62–63.

¹¹³ Письмо от 25 февраля / 6 марта 1764 г. // РНБ ОР. Ф. 379. № 6. Л. 47–48: «Мое ученье кончилось совсем в августе прошлого 1763 г. С того времени я не переставал посещать публичных лекций по опытной физике и в королевском Коллеже для моего усовершенствования» (французский оригинал хранится в ИРЛИ РО. Ф. 93. Оп. 2. № 100. Л. 65–66).

¹¹⁴ Письмо к отцу от 19 / 30 апреля 1765 г. // Письма русских писателей XVIII века. № 8. Бюаш передал отъезжавшему в Россию Федору письму, предварительно ознакомив с его содержанием.

¹¹⁵ «Déclaration au Collège Impérial des affaires Etrangères de Saint-Pétersbourg par son très humble étudiant Théodore

<...> он [Каржавин] объявляет, что во время пребывания его в Париже с конца 1753 по 1760 год обучался он в разных классах университета помянутого города Парижа правилам [«les humanités»], составляющим знание латинской и греческой грамматики, також латинской и французской поэзии и реторики. С 1760 по 1762 год включительно упражнялся он в философических схоластических науках, а имянно: в логике, метафизике, морали и обеим физикам как теорической [теоретической], так и практической. С начала 1763 по выезду его из Парижа [т. е. до лета 1765 г.] упражнялся он особливо в экспериментальной физике и в знании французского языка, к которому присовокупил он некоторое понятие о италианском языке, о географии, сфере [«la sphère» – астрономия], ботанике, медицине и химии¹¹⁶.

Отметим немаловажный штрих в парижской биографии Каржавина: французским языком он овладел довольно быстро, русский же почти забыл, и ему пришлось обучаться заново¹¹⁷. По этой причине, доносил в Коллегию князь Д. М. Голицын, новоявленного студента Парижской миссии не смогли привести к присяге: «<...> он российской язык так совсем забыл, что почти ни одного слова не разумеет»¹¹⁸. Пришлось просить Коллегию прислать текст присяги, переведенный на французский, «дабы по тому прямая сила такого клятвенного обещания ему была совершенно вразумительна»¹¹⁹. По той же причине Каржавин не смог откликнуться на просьбу астронома Делиля помочь ему в переводе некоего русского сочинения, «часть которого уже перевел любезный мой дядюшка», – сожалел Федор в письме к отцу от 15 (26) апреля 1761 года¹²⁰. А через год просил писать ему параллельно на латинском и русском языках, так как «я вновь начинаю изучать русский язык»¹²¹. По просьбе своего наставника, господина Вовилье, пожелавшего изучать русский, он начал создавать своеобразный фразеологический словарь на трех языках – русском, латинском и французском, – для чего использовал оборотную сторону игральных карт (ил. 9, 10). В каталоге коллекции маркиза де Польми, где хранится этот «словарь», записано: «Эта книга поступила от господина Вовилье, старшего, профессора Королевского коллежа, умершего в 1766 г., который хотел изучать русский язык»¹²². Судя по всему, для самого Каржавина этот опыт был не менее полезен.

Каржавине» (автограф Ф. В. Каржавина) // АВПРИ. ВКД. Оп. 2/1. № 2142. 1760–1763 гг. Л. 25–25 об.

¹¹⁶ «Объявление, учиненное Государственной Коллегии иностранных дел нижайшим ея студентом Федором Каржавиным», 27 июля 1765 г. – АВПРИ. ВКД. Оп. 2/1. № 2142. 1760–1763 гг. . Л. 26–26 об. (в заключительной части «Объявления» переводчик несколько раз сбивается с третьего лица на первое).

¹¹⁷ «<...> я забыл [русскую] азбуку или, во всяком случае, знаю только 7 первых букв», – писал он отцу 15/26 апреля 1762 г., прося при этом «незамедлительно» прислать ему букварь (Письма русских писателей XVIII века. № 3).

¹¹⁸ Реяция (копия) Д. М. Голицына из Парижа, 28 декабря / 8 января 1761 г. // АВПРИ. ВКД. Оп. 2/1. № 2142. 1760–1763 гг. Л. 11.

¹¹⁹ Там же. Л. 13–15. Здесь содержится черновой текст присяги на французском языке, изготовленный в Коллегии по запросу Голицына.

¹²⁰ Письма русских писателей XVIII века. № 3. О каком сочинении идет речь, неизвестно.

¹²¹ Письмо от 15 / 26 июня 1762 г. // Там же. № 4.

¹²² «Ce livre vient de M. de Vauvilliers, père, mort professeur au Collège royal pour la langue grecque en 1766, qui vouloit apprendre le russe» (Bibliothèque de l' Arsenal, MS 8804); см. также: Космолинская Г. А. Парижская библиотека Ф. В. Каржавина. С. 175–178, 187 (1).

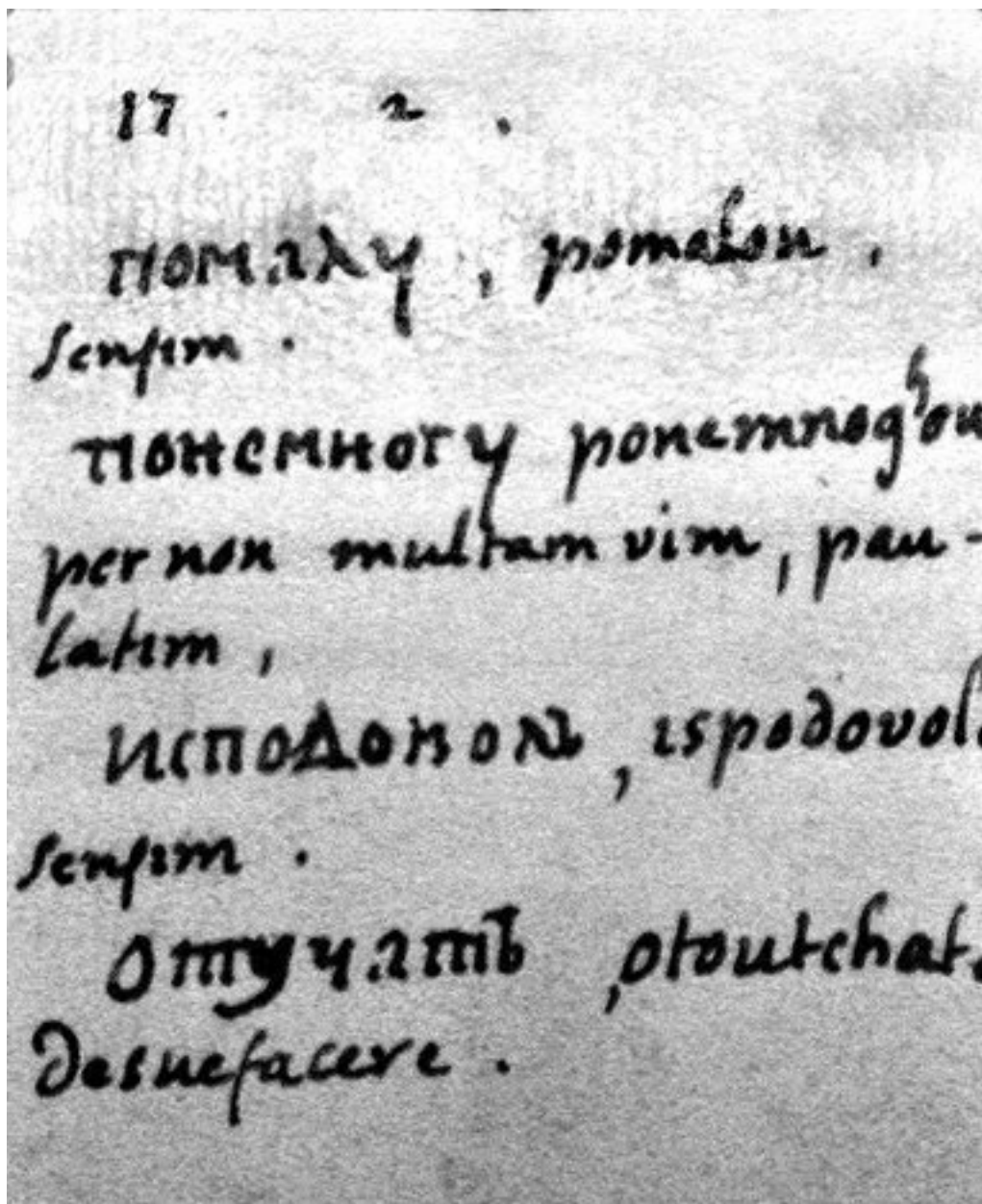

Ил. 9. «Русско-французско-латинский словарь» Ф. В. Каржавина, 1760-е годы

Между тем, «за незнанием российского языка», студент Федор Каржавин оказался непригоден к какой-либо службе при парижской миссии. О невозможности «его в дела употреблять» сообщал в декабре 1764 г. в Петербург князь Д. А. Голицын, в то время полномочный министр при Версальском дворе¹²³. В ответ из Коллегии пришло распоряжение отправить Каржавина на родину, поскольку, «оконча свои науки» в Париже, он «не может впредь, как в праздности и бесполезно там жить <...>»¹²⁴.

¹²³ Доношение Д. А. Голицына из Парижа от 12/23 декабря 1764 г. // АВПРИ. ВКД. Оп. 2/1. № 2457. Л. 3.

¹²⁴ Определение (копия) от 31 января 1765 г. // Там же. № 2142. Л. 19; см. также: АВПРИ. Сношение России с Францией. Оп. 93/6. Д. 202. Л. 12.

Ил. 10. Образец «словаря» Ф. В. Каржавина на обороте игральных карт. 1760-е годы

Вернувшись в Петербург, Каржавин поспешил объявить в Коллегии, что по причине незнания родного языка «признает себя способным упражняться только во всяких переводах латинского и французского языков, то есть переводить с французского на латинской и с латинского на французской», в связи с чем «нижайше просит» об увольнении на год «для исправления себя в российском языке»¹²⁵. Возможно, ему просто был нужен предлог, чтобы уволиться.

Еще находясь в Париже, Каржавин откровенно тяготился службой в Коллегии и своим положением при миссии, где к тому же сумел нажить себе недругов, распространявших о нем неблагоприятные слухи. Постоянно оправдываясь перед отцом, он писал, что готов стать кем угодно, буквально «чистильщиком сапог», лишь бы не служить в Коллегии или канцелярии, где достаточно настрадался «от людей, которые подвизаются при министрах и вельмо-

¹²⁵ «Déclaration...» / «Объявление...» Каржавина от 27 июля 1765 г. // АВПРИ. ВКД. Оп. 2/1. № 2142. 1760–1763 гг. Л. 26–27.

жах»¹²⁶. Положение осложнялось хроническим безденежьем: жалование, причитавшееся студенту Парижской миссии, подолгу задерживалось¹²⁷, к тому же из него вычиталось по 100 рублей в счет долга его бывшему опекуну Эриссану¹²⁸. Старший сын и наследник богатого купца с трудом сводил концы с концами, чтобы оплатить свои долги: «<...> продал я все вплоть до постели, а сам спал в течение 3-х месяцев на соломе», – писал он отцу, рассчитывая найти у него сочувствие и поддержку¹²⁹. Возможно, порой он и стучал краской, но сомневаться, что жизнь его в Париже была нелегкой, не приходится.

Последние два парижских года были в материальном отношении особенно трудными; почти в каждом письме Каржавин просил отца вызвать его в Россию. А зимой 1764 года сообщал о якобы полученном предложении сопровождать маркиза де Боссе, назначенного посланником в Санкт-Петербург. В результате от предложения – «с условиями выгодными и почетными для меня» (!) – он вынужден был отказаться, поскольку побоялся возвращаться «без официального вызова»¹³⁰. Еще через год он буквально молил отца: «Отчаяние, в которое повергает меня нищета, принуждает меня просить вас немедленно вызвать меня в Россию»¹³¹. Наконец, 21 января 1765 года из Коллегии поступил рескрипт, предписывающий «немедля отправить в Санктпетербург студента Федора Каржавина на первых из Франции выходящих кораблях»¹³². В мае князь Д. А. Голицын смог отчитаться об исполнении:

<...> отправил я уже отсюда студента Федора Каржавина <...> Ныне пребывает он еще в Руане, ожидая отхода корабля, которой пойдет в море чрез несколько дней. На том же судне имеет також возвратится бывшей здесь и в Италии для обучения архитектуре Божанов¹³³.

¹²⁶ Письмо от 1/12 января 1765 г. // Письма русских писателей XVIII в. № 7; см. там же письмо № 6 от 5/16 марта 1764 г.

¹²⁷ «<...> ни один из нас, живущих у посланника, исключая 2-х – 3-х, не получал денег с декабря 1762 года», – писал Каржавин в ноябре 1763 г. (Письма русских писателей XVIII века. № 5); та же ситуация повторилась в январе 1765 г.: «С января месяца 1764 года до настоящего времени получил я лишь 100 рублей» (Там же. № 7).

¹²⁸ См.: Космолинская Г. А. Русский студент в Париже XVIII века. С. 171.

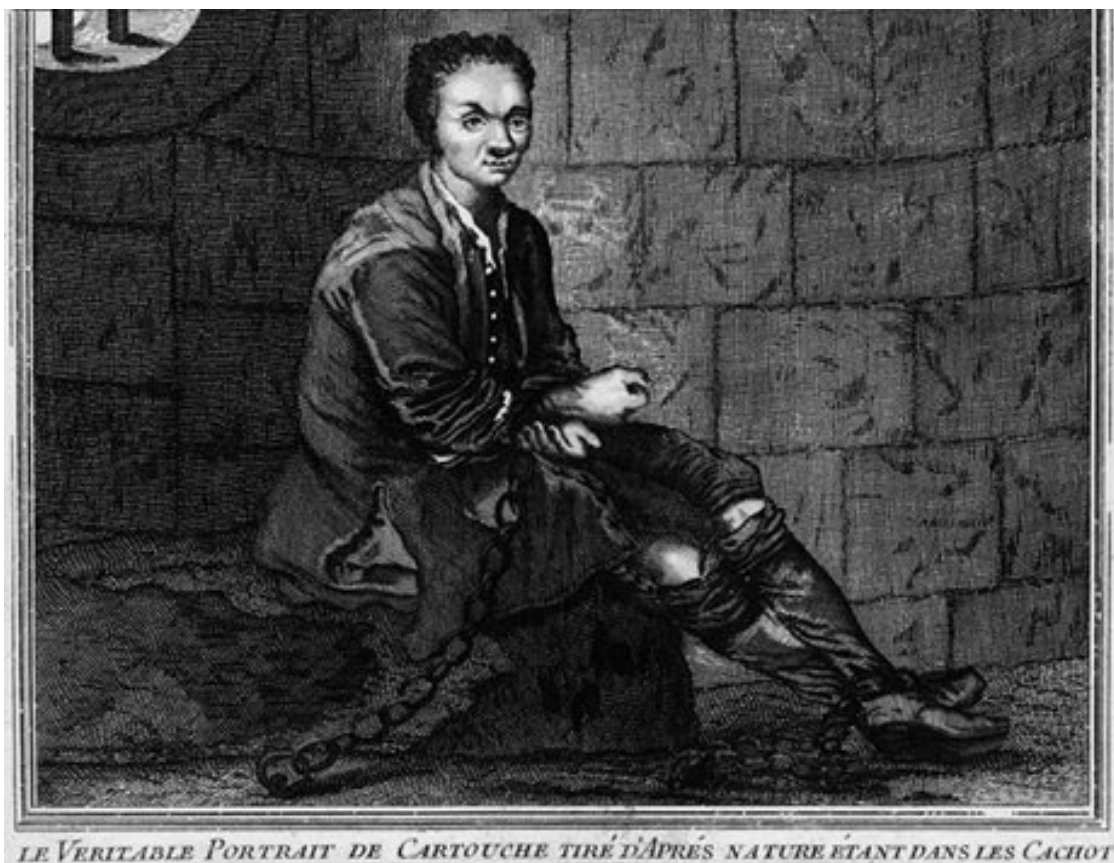
¹²⁹ Письмо от 1/12 января 1765 г. // Письма русских писателей XVIII века. № 7.

¹³⁰ Письмо к отцу от 28 января / 8 февраля 1764 г. Цит. по монографии Б. И. Коплана (РНБ ОР Ф. 370. Оп. 2. № 6. Л. 47). Матьё-Никола, маркиз де Боссе-Рокфор (Mathieu-Nicolas, marquis de Bausset-Roquefort, 1724–1767), назначенный полномочным министром в России, отправился туда в апреле 1765 г. Иными сведениями, подтверждающими описанный Каржавиным эпизод, мы не располагаем.

¹³¹ Письмо от 1/12 января 1765 г. // Письма русских писателей XVIII века. № 7.

¹³² Доношение Д. А. Голицына из Парижа от 27 марта / 7 апреля 1765 г. о выполнении трех рескриптов // АВПРИ. ВКД. Оп. 2/1. № 2142. 1760–1763 гг. Л. 21–21 об.

¹³³ Доношение Д. А. Голицына из Парижа 28 апреля / 9 мая 1765 г. // Там же. Л. 23.

Ил. 11. Картуи перед казнью в тюрьме Консьержери (1721)

В России (1765–1773)

20 июля 1765 года двадцатилетний Каржавин вернулся в Санкт-Петербург и, как уже упоминалось, почти сразу по прибытии испросил в Коллегии годовой отпуск «для обучения российского языка», забытого им за тринадцать лет пребывания во Франции¹³⁴. Видимо, сначала в учебных целях он взялся копировать «Прохладный Вертоград», рукописный лечебник, принадлежавший «полицейскому ассессору Ф. Ф. Вындомскому», но успел переписать только 73 листа, «потому что воспотребовали назад оный лечебник»¹³⁵. Тогда же он предпринял перевод жизнеописания парижского разбойника Картуша (ил. 11)¹³⁶ – выбор для упражнения в русском языке, казалось бы, странный. Однако можно предположить, что двигал им не столько вкус к авантюрной тематике, сколько коммерческий расчет: соотечественникам Каржавина еще только предстояло познакомиться с этим французским бестселлером, породившим шквал литературной продукции по всей Европе¹³⁷. Впрочем, расчет, видимо, не оправдался, а рукопись перевода в настоящее время считается утраченной¹³⁸.

Продолжать службу в Коллегии иностранных дел Каржавин явно не планировал и через год подал прошение об отставке, в котором признавался, что «выучить фундаментально благоискусство российского языка и спознать все [его] совершенство» ему не удалось¹³⁹. Не видя для себя в Коллегии достойного применения знаниям, приобретенным во Франции, он предпочел стать преподавателем французского языка в семинарии Троице-Сергиевой лавры. Прошение было удовлетворено; при увольнении «студента Каржавина» удостоили низшим чином коллежского актуариуса¹⁴⁰. Мотивы столь поспешного каржавинского шага нам доподлинно неизвестны. Сам он через 22 года изложил свою версию увольнения из Коллегии в официальной автобиографии:

<...> убежденный отцем моим, получил в 1766 г. увольнение от оной коллегии вовсе, с чином коллежского актуариуса, но как желание отца моего, при увольнении моем из коллегии, было такое, чтобы сделать меня купцом, а чин офицерской не позволял уже мне быть таковым, того ради старался я сделать себя полезным, по знанию моему <...>¹⁴¹

За этой, казалось бы, обычной житейской коллизией просматривается глубокий культурный, социальный и поколенческий конфликт, имевший для Каржавина самые серьезные последствия. Противостояние между отцом и сыном зрело неуклонно по мере того, как расходились их представления о жизни. Василий Никитич, на самом деле трогательно любивший

¹³⁴ Там же. Л. 27.

¹³⁵ «Прохладный Вертоград, избранный от многих мудрецов о различных врачеваниях, или Разныя выписки из Никонского лечебника, содержащая толкование о маслех, солях и камениях кои к чему угодны суть и ко здравию человеческого пристоят / Сие писал студент иностранной коллегии Федор Каржавин в 1766 году в С. П. бурге» // РНБ ОР. Ф. 166. Собр. П. П. Вяземского. Q 17. Л. 73.

¹³⁶ «Жизнь славнаго французскаго разбойника Картуша. С французскаго языка перевел и примечаниями изъяснил Феодор Каржавин Парижскаго Университета Студент. М.ДСС.LXVj [1766] в С. П. Б.» (местонахождение рукописи неизвестно).

¹³⁷ «Жизнь Картуша», переведенная М. Нееловым с немецкого издания, вышла в Санкт-Петербурге в 1771 г.; переиздавалась до конца столетия не менее шести раз.

¹³⁸ Сведения об этой ныне утраченной рукописи и одиннадцать примечаний Каржавина к тексту опубликованы П. П. Пекарским в Сборнике ОРЯС (1872. Т. 9. С. 420–424).

¹³⁹ Прошение Ф. В. Каржавина в Коллегию, поданное в сентябре 1766 г., опубликовано С. О. Желтиковой и С. Л. Туриловой, см.: Россия и Франция XVIII–XX века. Вып. 3. М., 2000. С. 87 (ссылка на АВПРИ. ВКД. Оп. 2/1. Д. 2299 не подтверждается).

¹⁴⁰ АВПРИ. ВКД. Оп. 2/1. № 2297. 1766 г. Л. 3. Актуариус при коллегиях – гражданский (статский) чин XIV класса, который получали студенты по выходе из университета.

¹⁴¹ Русская старина, 1875. Т. 12. № 2. С. 273.

своего первенца¹⁴², не мог не почувствовать перемен, происходящих с ним на чужбине. Но по-настоящему забил тревогу он только после возвращения своего младшего брата Ерофея Никитича, о котором с обидой писал Федору: «увидя себя против меня в лучшем градусе, начел [он] меня пренебрегать»¹⁴³. Из опасения, как бы подобные перемены не произошли и с «Федюшей», заранее предупреждал: «ежели <...> меня презирать станешь, то <...> ты мне не сын, а я тебе не отец»¹⁴⁴. Предчувствия оправдались, когда вернувшийся из Парижа сын восстал против родительской воли, отказавшись идти по коммерческой части, и предпочел «вступить в московские школы» профессором французского языка.

Иного способа отстоять собственный выбор у младшего Каржавина, очевидно, не было, хотя он мучительно искал его. Среди записей тех лет сохранились его размышления о «необузданной власти отцов над своими детьми», сделанные по ходу чтения речи профессора юриспруденции С. Е. Десницкого¹⁴⁵, недавно возвратившегося из Глазго после стажировки в местном университете. Каржавин, называвший Десницкого своим другом, прислушивался к его мнению. Пытаясь осознать собственный горький опыт, он искал опоры в рассуждениях юриста о причинах деспотизма и в частности – деспотизма родительской власти, который «примечается <...> у всех народов, когда они в невежественном и варварском состоянии находятся»¹⁴⁶. Но одного понимания «причин» было явно недостаточно. Сыновнее чувство нуждалось в нравственной опоре, которую, соглашаясь с Десницким, Каржавин склонен был видеть в идее прогресса: «Однако она [«необузданная власть отцов над детьми»] у нынешних просвещенных и вычищенных [то есть – цивилизованных] народов уменьшается и быть много вредною не может»¹⁴⁷.

Другой аспект этого конфликта заключался в том, что поспешным, возможно вынужденным, увольнением из Коллегии иностранных дел Каржавин лишил себя главной, если не единственной возможности повышения своего социального статуса, предоставляемой государственной службой. Было бы неверно думать, что вольнолюбивого питомца Сорбонны подобные вещи вовсе не волновали. Время от времени, как и все российские подданные, он предпринимал определенные шаги в этом направлении¹⁴⁸, но успешен не был. Разрыв с отцом серьезно уменьшал его шансы на успех. В обществе, где патронаж был важным условием формирования социальной идентичности образованного человека из нижних слоев, положение Каржавина, и без того непростое – «чужой» среди «своих», – усугублялось с утратой налаженных отцовских связей.

Несмотря на относительную широту взглядов старшего Каржавина, его представление о незыблемости общественной иерархии не позволяло ему принять выбор сына. Перед младшим Каржавиным на одной чаше весов оказалось коммерческое поприще («желание отца моего <...

¹⁴² Узнав о болезни Федора, страшно огорченный Василий Никитич («над таким малым ребенком мучение чинилось, а именно здоровые зубы и в щеке кости ломали») бросился за советом к «главному лейб-медикусу», выписанному из Голландии ко двору Елизаветы Петровны и, пересылая в Париж «рецепт», буквально заклинал брата: «бога ради не утрать ребенка» (письмо от 2 декабря 1755 г.) // Сборник ОРЯС. 1872. Т. 9. С. 418–419.

¹⁴³ Письмо от 27 марта 1761 г. // РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. № 397. Л. 86.

¹⁴⁴ Письмо от 28 сентября 1761 г. // Там же. Л. 85 об.

¹⁴⁵ Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции. В публичном собрании Императорского Московского университета бывшем... Говоренное онагож Университета свободных наук магистром, юриспруденции доктором, римских и российских прав публичным экстраординарным профессором Семеном Десницким. Июня 30 дня, 1768 года. [М.]: Печ. при Имп. Моск. ун-те, [1768].

¹⁴⁶ Записи Каржавина содержат указания на страницы «Слова» Десницкого по изданию 1768 г. (РГИА. Ф. 789. Академия художеств. Оп. 1. Ч. 1. № 397. Л. 66)

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Свой уход в 1769 г. из Лаврской семинарии Каржавин объяснял тем, что «при семинариях офицеру награждение получить трудно», а отъезд в 1773 г. за границу мотивировал желанием продвижения по социальной лестнице путем повышения образования: «для повышения чина отправился вторично на своем иждивении в Европу» (Русская старина, 1875. Т. 12. № 2. С. 274).

> сделать меня купцом»), на другой – пустое, как он считал, времяпрепровождение в Коллегии иностранных дел («жалея в Коллегии видеть без плода знания, коим обучился»). Выбранная им жизненная стратегия – «сделать себя полезным по знанию» – неизбежно упиралась в проблему сколько-нибудь достойного места в сословном обществе.

Между тем за восемь лет, что Каржавин провел на родине в первый свой приезд (1765–1773), ему удалось сделать немало. Преподавание французского языка – весомый, но отнюдь не единственный его вклад в российское просвещение. Наиболее заметный след был им оставлен в истории русской архитектуры. На этой стезе он оказался почти случайно, во многом благодаря произошедшему в Париже знакомству с архитектором Василием Ивановичем Баженовым (1737/38–1799), которое переросло в дружбу, а позднее в сотрудничество. Их совместная деятельность по реализации проекта нового кремлевского дворца в Москве имеет непосредственное отношение к публикуемому здесь парижскому альбому и заслуживает особого внимания (речь об этом пойдет ниже).

Опять Париж (1773–1776)

В 1773 году Каржавин вновь покинул Россию. Ему представилась возможность сопровождать внука известного московского богача и мецената Прокофия Акинфиевича Демидова, Кирилла Станиславского, отправленного в Лейден слушать лекции профессора Алламана¹⁴⁹. Заодно Каржавин обязался доставить в резиденцию штатгальтера (статхаудера) в Гааге партию холста для принца Оранского¹⁵⁰ и для его кунсткамеры – «натуральную» коллекцию Демидова, состоявшую из «российских и сибирских редкостей»¹⁵¹. Преодолев немало препятствий на своем пути к выезду за пределы России¹⁵², он в июле 1773-го отплыл из Кронштадта в Амстердам. Через три месяца, когда все поручения были исполнены, получив «награждение г-на Демидова через купца Иовия», Каржавин отправился «сухим путем через Голландию и Фландрию» в Париж¹⁵³; вся дорога заняла десять дней.

В Париже довольно быстро возобновились старые знакомства, связи и привязанности. Через год у Каржавина родился сын «Теодор Августин Для Ланд» (де Лаланд / Делаланд?). Мать ребенка, его давнишняя приятельница Франсуаза («Франциска Дорофея») Карбонье, в тот момент была замужем за господином «Дляландом»¹⁵⁴. Ребенка крестили в «церкви Николая подле Мартинова монастыря» (Saint-Nicolas-des-Champs); Каржавин выступил крестным отцом, записавшись под именем «Теодора Лями» (Lamy)¹⁵⁵. Приписка к этой дневниковой записи поясняет: «Отец родной и крестный» (то же по-французски)¹⁵⁶. Ранее, 30 января 1774-го, «в приходе святого Сялпиция принял крещение другой младенец – Магдалена-Феодора ле Гран», и опять «восприемником» был Теодор Лями. Дневниковая запись свидетельствует: «отец [младенца] мясник Легран, мать Генофева Ледюк, его мясника жена, а моя первая в школе полюбовница»¹⁵⁷. Об отцовстве Каржавина в данном случае речь идти не может (ребенок родился через три месяца после его появления в Париже), но теплые отношения между «кумом» и «мадам Legrand» сохранялись довольно долго, как и его привязанность к ребенку. Даже двенадцать лет спустя, вернувшись в Париж после скитаний по Новому Свету, Каржавин не забыл проведать подружку своих «школьных лет» и справлялся о своей крестнице, записав для памяти, что четырнадцатилетняя Теодора уже три года живет в услужении у мадмуазель Анри («Напгу»?) в доме ювелира на площади Дофина¹⁵⁸.

¹⁴⁹ Русская старина, 1875. Т. 12. № 2. С. 275. Жан-Никола-Себастьян Алламан (Jean-Nicolas-Sébastien Allamand, 1713–1787) – философ-натуралист, член Лондонского королевского общества (1747), профессор Лейденского университета, где преподавал математику, физику, химию и натуральную историю, а также основал из своих средств Кабинет натуральной истории и Кабинет природных редкостей; он описал несколько физических опытов и дал первое объяснение электрического конденсатора, так называемой Лейденской банки.

¹⁵⁰ Там же. С. 275. Вильгельм V принц Оранский (1748–1806) – последний штатгальтер (1751–1795) Республики Соединенных провинций (Нидерландов).

¹⁵¹ Русская старина, 1875. Т. 12. № 2. С. 274.

¹⁵² Подробности отъезда Каржавина описаны в его дневнике «Voyage d'Hollande en 1773 г. 16. VII» – ИРЛИ РО. Ф. 93. Оп. 2. № 101; см. также в примечаниях Н. П. Дурова к опубликованной им автобиографии Каржавина // Русская старина, 1875. Т. 12. № 2. С. 279, прим. 6.

¹⁵³ Русская старина, 1875. Т. 12. № 2. С. 275.

¹⁵⁴ «<...> сентября в 24й день [1774] родился младенец Теодор Августин Для Ланд, от отца Дляланда и от матери Франциски Дорофеи Карбонье его жены, и протч...» – СПбИИ. Ф. 238. Коллекция Н. П. Лихачева. Оп. 2. № 146/8. Л. 4 об. (многозначительное двойное многоточие принадлежит Каржавину); ранее в тех же дневниковых записях читаем: «[17]65. 1го мая поехал из Парижа в Россию от первой любовницы Карбонье» (л. 4).

¹⁵⁵ Псевдоним, происходящий от французского «l'amy», в данном случае – «друг» или даже «друг сердечный».

¹⁵⁶ СПбИИ. Ф. 238. Оп. 2. № 146/8. Л. 4 об. Свидетельств перехода Каржавина в католичество у нас нет.

¹⁵⁷ СПбИИ. Ф. 238. Оп. 2. № 146/8. Л. 3.

¹⁵⁸ Там же. № 146/11–12. Л. 1.

В феврале 1774 (или 1776) года Каржавин женился на бедной девушке, сироте-белошвейке Шарлотте Маргарите Рамбур, с которой также был знаком с юности¹⁵⁹. Факт венчания по католическому обряду он старался впоследствии скрывать, для чего на всякий случай приходилось инструктировать оставшуюся в Париже жену: «Помни же день нашей свадьбы – 15-е февраля 1774 г. – отец Симеон благословил наш брак у нас на квартире перед двумя свидетелями, один из них умер, другой или не знаком тебе, или уехал из Парижа»¹⁶⁰.

По всей видимости, «суровость жребия своего умягчить женитьбою» Каржавину не удалось – отношения между супругами с самого начала не складывались¹⁶¹, зато возросшие расходы на содержание семьи становились непосильными. Все его попытки получить место ни к чему не приводили, несмотря на протекцию старых друзей дяди. Позже он объяснял в автобиографии: «законы тогдашние во угождение уроженцам, пресекали мне, иностранному человеку, живущему в ведомстве российского министра, получение доходов по гражданской линии»¹⁶². Не найдя иного способа изменить ситуацию, Каржавин принял решение покинуть Францию¹⁶³.

За океаном в это время шла война, отзвуки которой будоражили всю Европу. В Париже с огромным энтузиазмом обсуждали принятую тридцатью штатами Северной Америки «Декларацию независимости» (1774), провозгласившую людей равными независимо от их происхождения и обладающими неотъемлемыми правами на жизнь, свободу и стремление к счастью. Заокеанские известия у многих вызывали сочувствие, подталкивая к разного рода активности. В поисках лучшей доли на другой конец света отправился и Каржавин, получив в сентябре 1776 года французский паспорт для поездки на Мартинику¹⁶⁴.

Его отсутствие затянется надолго, и Василий Никитич Каржавин, умерший в 1786 году, так и не успеет примириться с сыном. Наследование немалого состояния купца первой гильдии потребует возвращения Федора на родину. В январе 1788 года он вновь увидит Париж и свою жену, чтобы через шесть месяцев их покинуть. На его попечении, когда он отправится на корабле из Гавра в Санкт-Петербург, будет находиться талантливый русский художник, стипендиат великого князя Павла Петровича, сыгравший в судьбе Каржавина немалую роль, – Иван Алексеевич Ерменев¹⁶⁵.

¹⁵⁹ Согласно официальной автобиографии (1788), женитьба произошла «в начале 1774 года», но в начале 1788 г. (сразу после возвращения из Америки), разыскивая в Париже свою жену, Каржавин поместил объявление в газету, где указал год женитьбы 1776 (Русская старина, 1875. Т. 12. № 2. С. 274, 279–280).

¹⁶⁰ Там же. С. 288; «отец Симеон» – Симеон Матиев, священник посольской церкви в Париже в 1770-е годы; Каржавин, находясь в Америке, вел через него свою переписку с семьей.

¹⁶¹ Там же. С. 288–290. На непростые отношения между супругами отчасти проливает свет их переписка; см. также монографию Б. И. Коплана – РНБ ОР. Ф. 370. № 5. Л. 130–133.

¹⁶² Русская старина, 1875. Т. 12. № 2. С. 274; см. также: *Космолинская Г. А.* Ф. В. Каржавин – хранитель рукописей. С. 228–245.

¹⁶³ Первый биограф Каржавина Н. П. Дуров был уверен, что «настоящей причиной выезда его из Парижа была размолвка с женою» (Русская старина. 1875. Т. 12. № 2. С. 280, прим. 11).

¹⁶⁴ Об американских странствиях Каржавина немало написано, см., например: *Старцев А. И.* Ф. В. Каржавин и его американское путешествие // История СССР. 1960. № 3. С. 132–139; *Герчук Ю. Я.* Жизнь и странствия Федора Каржавина // Прометей. 1967. Т. 2. С. 92–106; *Болховитинов Н. Н.* Россия и война США за независимость. М., 1976; *Он же.* Россия открывает Америку. 1732–1799. М., 1991.

¹⁶⁵ И. А. Ерменев (1746/1749–1797?), находившийся в Париже с 1775 по 1788 г., обучался в Королевской академии живописи и скульптуры у Ж. Дюпlessи. Не имея сил преодолевать материальные трудности и жизненные невзгоды, он в конце концов впал в пьянство и был отправлен на родину. Об этом см.: Русская старина, 1875. Т. 12. № 2. С. 279; *Савинов А. Н.* Указ. соч.

На родине (1788–1812)

Прибыв в Санкт-Петербург для получения своей доли наследства, Каржавин долго задерживаться на родине не собирался. В Париже оставалась его жена, ожидавшая ребенка¹⁶⁶, а также дорогая его сердцу библиотека. Он надеялся, что, возобновив службу в Коллегии иностранных дел, сможет выхлопотать себе место «при посольских канцеляриях или при Консульских Канторах в чужих краях»¹⁶⁷. Но его прошение о продолжении службы удовлетворено не было или (скорее всего) не было подано¹⁶⁸. Между тем тяжба вокруг отцовского наследства затянулась. Младший брат, Матвей Васильевич Каржавин, не был расположен делиться ни со своим долго отсутствовавшим и практически незнакомым старшим братом, ни тем более с сестрами. Он умело манипулировал престарелой полуграмотной матерью, уже не способной принимать решения. Вольно или невольно в этом ему подыгрывал Иван Ерменев, затаивший обиду на Федора, которого считал виновным в утрате благосклонности своего патрона, цесаревича Павла Петровича. В конце концов, Каржавин, изгнанный матерью из родного дома, вынужден был искать приюта в семье художника Гавриила Игнатьевича Козлова¹⁶⁹, мужа своей старшей сестры Евдокии.

На протяжении 1789–1790 годов Каржавин дважды пытался выехать за границу, но обе попытки, как доказывает И. М. Полонская с опорой на его переписку с женой, оказались неудачными¹⁷⁰. В свою очередь С. Р. Долгова, исходя из того, что о местонахождении Каржавина (как и Ерменева) в летние месяцы 1789 года ничего не известно, пишет: «вряд ли можно считать версию о присутствии Каржавина и Ерменева во время взятия Бастилии в Париже окончательно опровергнутой»¹⁷¹. Однако до сих пор эта версия так и остается неподтвержденной.

Петербургская жизнь Каржавина первой половины 1790-х годов (без должности, без определенных доходов, без собственного угла) еще больше осложнилась после смерти Козлова, часто выступавшего его защитником. И опять он нашел приют в доме своего старого друга В. И. Баженова. Но присущий ему оптимизм начал явно его покидать. В одном из писем к жене в Париж 46-летний Федор Васильевич написал о себе в третьем лице: «Он живет один, как медведь, никого не видит, или видит очень редко, ничего не имеет, кроме книг и чернил <...>»¹⁷².

Шарлотта (Каролина Петровна) Каржавина-Рамбур прибыла в Петербург 31 июля 1791 года. С ее приездом жизнь Каржавина не стала менее одинокой, к тому же за неимением средств супругам пришлось жить сначала в разных домах, а затем и в разных городах¹⁷³. Все же одна

¹⁶⁶ Весной 1789 г. Шарлотта сообщила Каржавину о рождении их ребенка; отсутствие иных сведений о нем позволили Б. И. Коплану предположить, что ребенок умер до ее отъезда в Россию (РНБ ОР. Ф. 370. № 5. Л. 193).

¹⁶⁷ Черновик прошения Каржавина в Коллегию иностранных дел с датой: «дня 9бря [сентября?] 1788 года» – ИРЛИ РО. Ф. 93. Оп. 2. № 100. Л. 10.

¹⁶⁸ См.: Полонская И. М. Издательская деятельность Ф. В. Каржавина // Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976. С. 170.

¹⁶⁹ Г. И. Козлов (1738–1791) – исторический и портретный живописец, академик (1765) и адъюнкт-ректор Академии художеств (1779), директор императорской шпалерной мануфактуры.

¹⁷⁰ Подробнее об этом см.: Полонская И. М. Издательская деятельность Ф. В. Каржавина. С. 170–174, также 162–163.

¹⁷¹ Долгова С. Р. Творческий путь Ф. В. Каржавина. С. 51, 61 прим. 28.

¹⁷² Письмо Ф. В. Каржавина к жене в Париж от 13 марта 1791 г. – цит. по: Полонская И. М. Книги из библиотеки и с автографами Ф. В. Каржавина. С. 150.

¹⁷³ В июле 1795 г. Каролина Петровна Каржавина переехала в Москву, где пользовалась гостеприимством купеческой семьи Москвиных, чьих детей Каржавин в 1770-е гг. учил французскому языку. Известно, что она служила гувернанткой в семье Ивана Петровича Архарова, московского военного губернатора (1796–1797), а с 1801 г. жила в Курской губернии, где нашла место гувернантки.

положительная перемена произошла: Шарлотта привезла с собой библиотеку мужа, которую заботливо сохраняла в Париже и, как следует из их переписки, даже пополняла¹⁷⁴.

Почти 17 лет Каролина Петровна прожила в России, служа гувернанткой в разных домах. Умерла она в Курске 21 марта 1808 года¹⁷⁵. Через три года после смерти жены Каржавин заключил новый брак – с Надеждой Никитичной Барановой. По словам Н. П. Дурова, об этом браке мало что известно, мы знаем лишь то, что отец жены служил в дирекции императорских театров¹⁷⁶.

В 1797 году, после воцарения Павла Петровича, Каржавин был «по высочайшему повелению» принят в Адмиралтейств-коллегию на должность «англо-американского» переводчика в чине коллежского ассессора. Участие в его устройстве (по просьбе В. И. Баженова) принимал вице-адмирал Г. Г. Кушелев, пользовавшийся расположением Павла I и назначенный им 1 ноября 1798 года вице-президентом Коллегии¹⁷⁷. Лишь к концу жизни Каржавин получил чин надворного советника, оставаясь при этом в должности скромного чиновника. Умер Федор Васильевич скоропостижно – в Петербурге 28 марта 1812 года. Смерть его странным образом совпала с делом о «подметном письме» Александру I, которое было написано против М. М. Сперанского якобы от лица московского градоначальника Ф. В. Ростопчина и «москвитян»¹⁷⁸. В ходе полицейского расследования Каржавин был заподозрен в его распространении, но допросить подозреваемого не успели «по причине внезапной смерти»¹⁷⁹. Авторство этого охранительного по содержанию документа до сих пор не установлено¹⁸⁰.

Выросший в Париже и почти забывший родной язык Каржавин во Франции формально оставался «чужим» – чужестранцем с вытекающими отсюда последствиями. Но и у себя на родине, где он мечтал «услугу показать отечеству науками, коими он столько лет обучался»¹⁸¹, стать «своим» ему тоже не удалось. Реалии русской жизни ему волей-неволей приходилось сравнивать с аналогичными явлениями во французской столице (провинции он, по-видимому, не знал), которые представлялись ему образцовыми. Он не упускал случая знакомить своих соотечественников с жизнеустройством первого европейского города, в котором курсировал общественный транспорт, имелось уличное освещение, а сами улицы были оборудованы тротуарами; где функционировали театры, кафе, публичные библиотеки и выставки, были доступны для публики прекрасные сады и парки; где одни площади украшались величественными монументами королей, а на других производились «всякия смертныя казни»... Культурные параллели просматриваются в отрывочных, порой слишком эмоциональных замечаниях Каржавина, разбросанных на полях прочитанных книг и журналов, в его комментариях к своим и чужим сочинениям, наконец, в альбоме «Виды старого Парижа».

¹⁷⁴ В октябре 1789 г. Шарлотта сообщала мужу, что хранит для него газеты и особенно подшивку *Révolutions de Paris*, выражая надежду, что тем самым доставит ему удовольствие (см.: *Полонская И. М.* Книги из библиотеки и с автографами Ф. В. Каржавина. С. 150). Речь идет об одноименном ежедневном издании Луи-Мари Прюдома, выходившем с июля 1789 г. и имевшем немалый успех. Об этом издании см.: *Zizek J.* «Plume de fer»: Louis-Marie Prudhomme Writes the French Revolution // *French Historical studies*. 2003. Vol. 26 (4). P. 619–660.

¹⁷⁵ СПбИИ. Ф. 238. Оп. 2. № 146/23.

¹⁷⁶ Русская старина. 1875. Т. 12. № 2. С. 283.

¹⁷⁷ Прошение Каржавина сохранилось в бумагах канцелярии Кушелева (РГА ВМФ), см.: *Долгова С. Р.* Творческий путь Ф. В. Каржавина. С. 34, 42.

¹⁷⁸ Письмо гр. Ф. Ростопчина к императору Александру. Москва 5 апреля 1812 / [опубл. А. И. Герценом] // Исторический сборник Вольной русской типографии в Лондоне. London, 1859. Кн. 1. С. 42–45.

¹⁷⁹ *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. СПб., 1861. Т. 2. Ч. 3. С. 10.

¹⁸⁰ Историю вопроса см.: *Мещерякова А. О.* Ф. В. Ростопчин: у основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007. С. 211–215.

¹⁸¹ Прошение Ф. В. Каржавина в Коллегию иностранных дел, сентябрь 1766 г. / Оpubл. С. О. Желтиковой, С. Л. Туриловой // *Россия и Франция XVIII–XX века*. Вып. 3. М., 2000. С. 87.

«Виды старого Парижа»

Каржавин почти всегда подписывал книги своей библиотеки, часто на французский манер: «*Theodore Karjavine*». Наряду с автографом встречается также штамп с той же подписью в двух вариантах – черной и красной мастикой, который появляется не ранее 1788 года¹⁸². Многие книги хранят его записи о месте и времени их приобретения, цене, содержании, библиографической ценности, а также многочисленные пометы в тексте и маргиналии. Благодаря столь выразительной владельческой маркировке и сегодня удается обнаруживать следы этого любопытного книжного собрания, рассеянного после смерти владельца и частично утраченного¹⁸³.

Альбом «Виды старого Парижа», ныне хранящийся в Отделе редких книг и рукописей Библиотеки Московского университета¹⁸⁴, не имеет никаких владельческих признаков, к тому же в нем отсутствует титульный лист. В фонд библиотеки альбом поступил в 1947 году «от неизвестного лица» и долгое время числился анонимной рукописью второй половины XVIII века¹⁸⁵, информация о которой практически не выходила за пределы узкого круга хранителей. Начавшееся в начале 1980-х годов изучение этой рукописи неожиданно оборвалось¹⁸⁶ и возобновилось лишь после того, как удалось установить авторство Ф. В. Каржавина¹⁸⁷.

Альбом представляет собой рукописную книгу формата *in folio* объемом в 23 вертикальных листа (34 × 22 см), в обычном картонном переплете, обклеенном тонированной бумагой «под мрамор», с кожаными углами и корешком, декорированным золотым тиснением. Бумага припереплетных листов имеет филигрань с датой «1831»¹⁸⁸. На корешке – кожаная наклейка зеленого тона с названием «Виды старого Парижа», которое альбом получил при переплете. Тем же названием, но в современной орфографии, будем пользоваться и мы.

На каждом альбомном листе приклеено по одной французской гравюре XVII – первой половины XVIII веков с видами Парижа. Открывает альбом изометрический план города «с птичьего полета» Леонара Готье (1607). Остальные гравюры, считающиеся анонимными, воспроизводят наиболее известные парижские достопримечательности и имеют общие типологические признаки (формат, гравированные подписи на французском языке), указывающие на единый источник происхождения. Все 23 вида Парижа в альбоме снабжены рукописными комментариями на русском языке объемом от трех строк до полного листа убористым почерком, принадлежащими Каржавину.

Листы, пронумерованные Каржавиным последовательно с «№ 1» по «№ 22», составляют основной корпус альбома, в то время как открывающий его лист с общим видом Парижа помечен «№ 8» и является «дублетным». Случай двойной пагинации указывает на наличие в альбоме двух «парижских текстов», созданных Каржавиным, как увидим далее, в разное время.

¹⁸² Полонская И. М. Книги из библиотеки и с автографами Ф. В. Каржавина. С. 138.

¹⁸³ О судьбе библиотеки Каржавина см.: Березин-Ширяев Я. Ф. Николай Павлович Дуров (Из воспоминаний библиофила) // Библиограф. 1887. № 1. С. 3; Долгова С. Р. Судьба библиотеки Федора Каржавина // Альманах библиофила. 1975. Вып. 2. С. 168–172; Рукописные собрания ГБЛ. Указатель. М., 1983. Т. 1. Вып. 1 (1862–1917). С. 194–198; Рыбалка А. Указ. соч. С. 88 и далее.

¹⁸⁴ НБ МГУ ОРКиР. Рук. № 472.

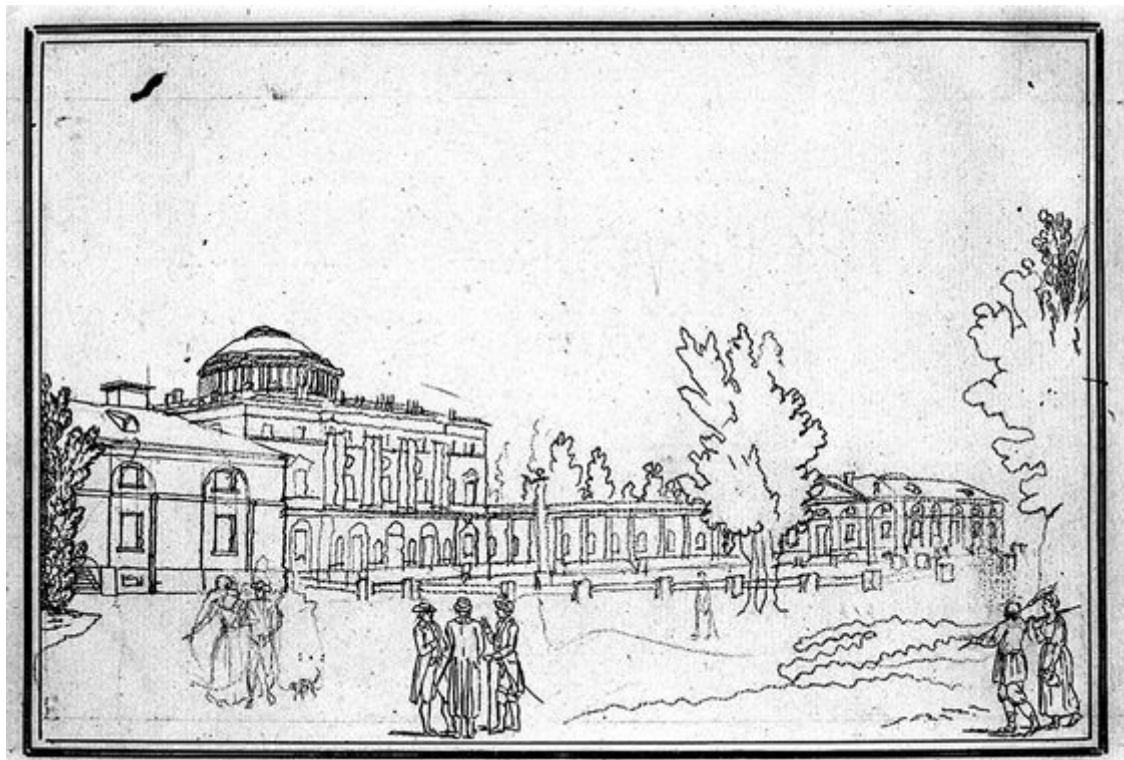
¹⁸⁵ Инвентарная книга Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ. № 1, 1947 г. Сведений о последнем владельце альбома найти не удалось, но следует принять во внимание слова ростовского краеведа и коллекционера А. А. Титова «некоторых рукописях по архитектуре» Ф. В. Каржавина, виденных им «в одной частной библиотеке» (Титов А. А. Редкая книга // Русская старина. 1906. Кн. 1. С. 175).

¹⁸⁶ Причиной стала трагическая гибель Наталии Гансовны Сапрыкиной (1952–1983), первой взявшейся за изучение этой рукописи, к сожалению, так и оставшейся для нее анонимной.

¹⁸⁷ См.: Космолинская Г. А. Неизвестный альбом Ф. В. Каржавина. С. 338–352.

¹⁸⁸ Подробнее см. Археографическое предисловие в разделе Приложение.

Поскольку первый лист с авторским № 8 представляет собой фрагмент неизвестной рукописи, мы вправе предположить существование, по крайней мере, еще семи листов каржавинского текста о Париже, которые до нас не дошли. В альбоме лист этого извода оказался по воле нового владельца не ранее 1831 года.

Ил. 12. Павловский дворец. Архитектор Ч. Камерон, 1780-е годы

Еще одно неожиданное включение в парижский альбом – лист с видом Павловского дворца (ил. 12), построенного архитектором Чарльзом Камероном в 1780-е годы. Незаконченный рисунок (карандаш, тушь, перо) размером 23 × 15,5 см¹⁸⁹ является довольно редким, как считают специалисты, изображением дворца до его реконструкции в конце 1790-х годов Винченцо Бренной¹⁹⁰. Вопрос об авторстве рисунка, как и о его связи с Каржавиным, пока не прояснен. Остается гадать, на каком основании новый владелец каржавинских материалов включил этот изящный рисунок в альбом «Виды старого Парижа». Возможно, когда-нибудь мы об этом узнаем.

Основной круг коллекционеров, в руки которых после неожиданной смерти Каржавина попали его книги и рукописи, сегодня более или менее известен, хотя дальнейшая распродажа библиотеки производилась в книжных лавках, зачастую в розницу и даже на вес¹⁹¹. Значительную часть этого собрания (в основном рукописную) приобрел в 1813 году известный петербургский библиофил Александр Иванович Сулакадзев (1771–1829), близко знакомый с Каржавиным¹⁹². Согласно реконструированным А. А. Рыбалкой описям библиотеки Сулакад-

¹⁸⁹ См. также Археографическое предисловие в разделе Приложение.

¹⁹⁰ Приношу глубокую благодарность за консультации Татьяне Александровне Дудиной (Музей архитектуры им. А. В. Щусева) и Ольге Ивановне Ламеко (Павловский дворец).

¹⁹¹ Березин-Ширяев Я. Ф. Николай Павлович Дуров: (Из воспоминаний библиофила). СПб., 1887 (отг. из журн. Библиограф. 1887. № 1, 3).

¹⁹² Подробнее о нем см.: Рыбалка А. Указ. соч. С. 88–127, см. там же Приложения I и II.

зева, в нее попало не менее двух каржавинских альбомов (неуточненного содержания), а также некоторое количество отдельных листов с разными изображениями¹⁹³. Но достались ли ему «парижские» листы, позже составившие альбом «Виды старого Парижа», мы не знаем.

Между тем Сулакадзев, никогда во Франции не бывавший, определенно проявлял интерес к парижской тематике. Сохранился довольно ветхий фрагмент его описи 1828 года под названием «В моей библиотеке о Франции»¹⁹⁴, где перечислены разного рода описания французской столицы. Упомянутые здесь материалы с большой долей вероятности могли находиться и в собрании Каржавина¹⁹⁵. Сулакадзев, как известно, старался избегать упоминания имени Каржавина в связи со своей коллекцией и даже вымарывал владельческие записи на приобретенных книгах и рукописях из его библиотеки.

Прежде чем перейти к содержанию альбома «Виды старого Парижа», следует подробнее осветить вопрос двойной датировки. Разные хронологические слои обнаруживаются уже на уровне материальной основы рукописи: бумага основного блока (листы № 1 – № 22) с водяными знаками Ярославской мануфактуры Саввы Яковлева датируется 1765 годом; первый альбомный лист (№ 8) имеет филигрань с датой «1791»¹⁹⁶. Таким образом, при первом рассмотрении мы получаем две датировки: не ранее 1765 года и не ранее 1791-го. Уточнить их позволяют палеографические особенности рукописи, ее содержание и факты парижской биографии Каржавина.

Надежное основание для более точной датировки основного блока рукописи содержится в комментарии Каржавина к изображению Лувра, где дается отсылка к русскому переводу статьи Луи де Жокура «Париж» из XI тома *Энциклопедии* Дидро и Д'Аламбера (1765) и даже указываются выходные данные издания: «Статья <...> печатана в С. П. бургe 1770-го года» (№ 3)¹⁹⁷. Следовательно, нижнюю границу датировки – не ранее 1765 – мы можем уверенно передвинуть на пять лет: не ранее 1770, но не позднее 8 июня 1773 года, когда Каржавин покинул Москву, чтобы вновь отправиться за границу. Этот трехлетний период также можно сократить, обратившись к документу, в создании которого Каржавин принимал непосредственное участие. Имеется в виду «Краткое разсуждение о Кремлевском строении», теоретическое обоснование реконструкции Московского кремля, составленное В. И. Баженовым и его помощником для Екатерины II.

Документ, написанный рукой Каржавина, дошел до нас только в черновом варианте – без даты и с правкой, принадлежащей обоим авторам¹⁹⁸. Принятая сегодня в литературе его условная датировка – начало 1770-х годов – основана на документальном свидетельстве о пребывании Каржавина в должности архитекторского помощника с декабря 1769 по апрель 1773 года («по-видимому, ближе к началу этого периода», – уточняет Ю. Я. Герчук)¹⁹⁹ и не противоречит истории кремлевского строительства.

¹⁹³ Там же. С. 92 и далее.

¹⁹⁴ РНБ ОР. Ф. 517. Собр. А. Н. Неустроева. № 12.

¹⁹⁵ Например, сочинение Э. Р. Рота «Достопамятное в Европе» (М., 1782), к которому Каржавин обращался в работе над своим путеводителем по Сен-Дени (Там же. № 9); или журнал пребывания Петра I в Париже «1717. 26 апреля» (М., 1786), а также «Демидовский журнал путешествия» (с пометой Сулакадзева: «Париж»). Особо отметим позицию: «О Париже. Персид.[ские] письма Монтекио. Розноговского» (СПб., 1792) – предположительно Каржавин участвовал в этом издании как комментатор. См.: *Светлов Л. Б.* Писатель-вольнодумец Ф. В. Каржавин // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка.* 1964. Т. 23. Вып. 6. С. 524; *Долгова С. Р.* Творческий путь Ф. В. Каржавина. С. 114–116.

¹⁹⁶ Подробнее см. Археографическое предисловие в разделе Приложение.

¹⁹⁷ Здесь и далее ссылки на авторский номер альбомного листа даются в тексте.

¹⁹⁸ РГИА. Ф. 789. Академия художеств. Оп. 1. № 397. Л. 1–16, 46. Текст публиковался неоднократно, далее ссылки на изд.: Василий Иванович Баженов: Письма. Пояснения к проектам. Свидетельства современников. Биографические документы / Сост., коммент. и вступит. статья Ю. Я. Герчука. М., 2001. № 68.

¹⁹⁹ Василий Иванович Баженов. № 68. С. 244.

Действительно, наиболее подходящим временем появления «Краткого разсуждения» представляется весна – лето 1771 года, когда из-за эпидемии чумы в Москве в строительстве наступил вынужденный перерыв²⁰⁰. Указом Екатерины все работы в Кремле были приостановлены, ассигнования, и без того уменьшенные под предлогом войны с турками, существенно сокращены. В этих непростых обстоятельствах, естественно, возростала потребность в обращении к императрице; к тому же назрела необходимость представить ей теоретическое обоснование Кремлевского проекта, для написания которого наконец высвободилось и время. Когда же весной 1772 года строительство в Кремле возобновилось, вопросы, которые затрагивались в «Кратком разсуждении» (об архитектурской команде и «ученом переводчике», строительных материалах, книгах по архитектуре из «казенных книгохранилищ», печатании переводов, «касающихся до Художеств» и проч.), уже утратили отчасти свою актуальность.

Между тем замысел парижского альбома очевидным образом связан с началом профессиональной деятельности «архитекторского помощника», которому, помимо прочего, вменялось в обязанности преподавать в архитектурной школе при Модельном доме в Кремле. В частности, Каржавин должен был изъяснять будущим архитекторам, «откуда произошла красивая Архитектура»²⁰¹. Потребность собрать и прокомментировать лучшие образцы французской архитектуры была вызвана отсутствием наглядных пособий, в которых остро нуждалась школа; озабоченность по этому поводу не раз выражали и Баженов, и Каржавин. Сопоставление текстов подтверждает, что идея альбома была реализована прежде появления «Краткого разсуждения», в котором отразились альбомные описания. Исходя из этого, основной корпус альбома следует датировать в интервале: не ранее 1770 – не позднее лета 1771-го, когда, как предполагается, Баженов готовился обратиться к императрице.

Уточнить датировку первого листа с авторской маркировкой № 8 и водяным знаком с датой «1791» оказалось гораздо проще. Упоминание казни французского короля Людовика XVI в тексте Каржавина позволяет утверждать, что лист создавался не ранее 21 января 1793 года.

Кроме того, в начале 1790-х в альбоме были сделаны дополнения к прежним комментариям (листы № 1–22). А в некоторых случаях, когда лист по каким-то причинам оставался незаполненным, написаны новые. Например, в описании площади Побед речь идет о событиях августа 1792 года. Комментарий к изображению древней церкви Св. Женевьевы также создавался во время революции, в нем Каржавин сообщает о новом храме, превращенном в Пантеон: «ныне другая церковь ей выстроена», где «хоронятся все славные и великие мужи французские» (№ 15). Но назван им только один Декарт. Решение Конвента о переносе праха Декарта в Пантеон, как известно, было принято 2 октября 1793-го, из чего следует, что комментарий мог быть написан, учитывая скорость распространения информации, в конце этого года.

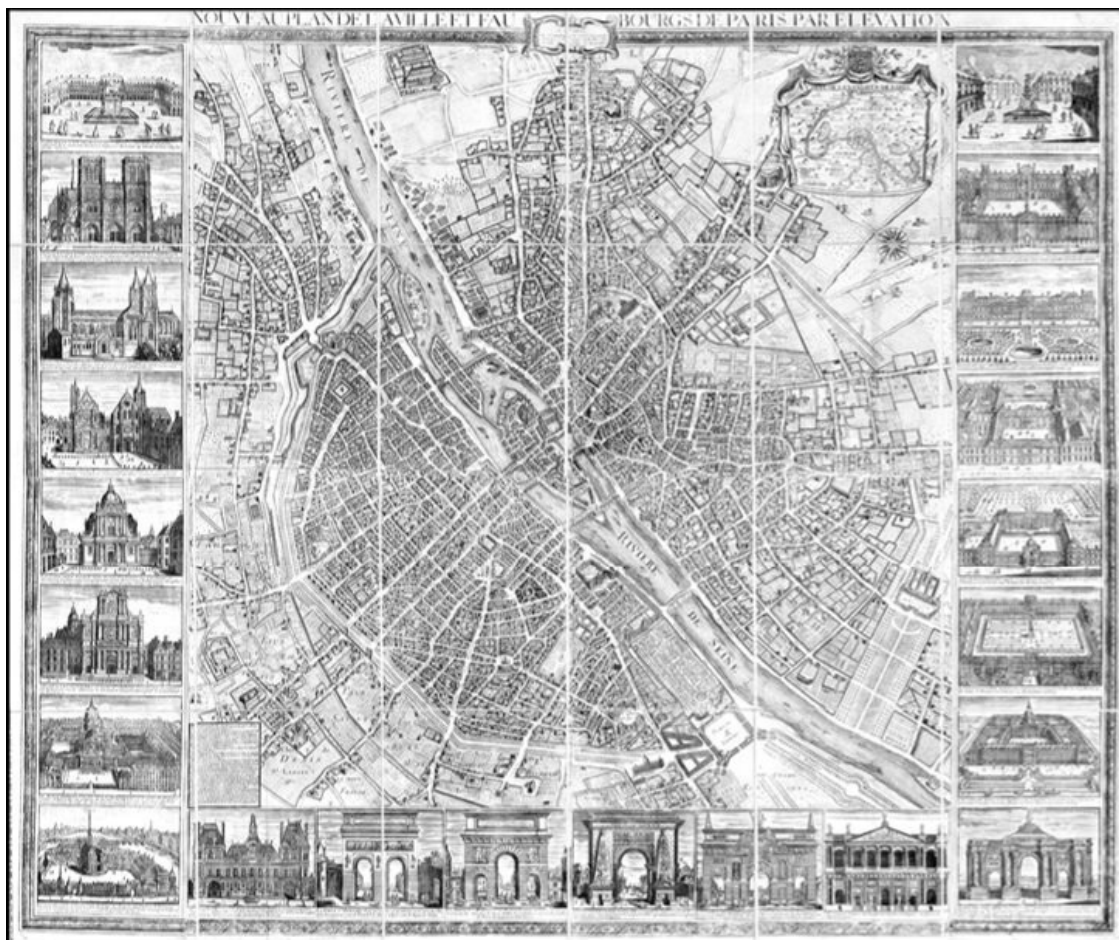
---

²⁰⁰ В сентябре в городе вспыхнул чумной бунт, быстро перекинувшийся на Кремль, где прямо под окнами Модельного дома происходили трагические события (Там же. С. 19–20; см. также: Долгова С. Р. Записки очевидца о чумном бунте в Москве в 1771 // Сов. архивы. 1976. № 6. С. 66–70).

²⁰¹ Представление Баженова в Экспедицию кремлевского строения, [Москва] 27 ноября 1769 г. // Василий Иванович Баженов. С. 186. № 231.

Визуальный ряд парижского альбома

Как удалось установить, 22 гравюры с видами Парижа, составляющие основной корпус альбома Каржавина, происходят из одного и того же источника. Изначально они составляли декоративное обрамление «Нового плана Парижа и его окрестностей», изданного парижским печатником и картографом Жаном Жанвье в 1748 году (ил. 13)²⁰². Впоследствии он неоднократно переиздавал свой «План» совместно с Лоншаном (Longchamps), по крайней мере – в 1753, 1763 и 1765 годах.

Ил. 13. Новый план Парижа Ж. Жанвье (Paris, 1748)

В основу издания Жанвье был положен план Парижа 1648 года Жана Буассо²⁰³, многократно и в разных вариантах воспроизводившийся на протяжении XVII и XVIII столетий. Изначально план Буассо был декорирован по бокам родовыми, сословными и корпоративными

²⁰² Nouveau Plan de la ville et faubourgs de Paris par élévation. Paris: Jean-Denis Janvier, 1748. 1 f. gravée, 132 × 115 cm. См. также: Les Plans de Paris des origines (1493) à la fin du XVIIIe siècle: étude, carto-bibliographie et catalogue collectif / Par J. Boutier avec la coll. de J. Y. Sarazin et de M. Sibille. Paris: BNF, 2002. № 217, 217B. Издание 1748 г. здесь (№ 217) названо вторым, повторяющим издание 1738 г., видимо, не сохранившееся.

²⁰³ Plan general de la ville cite Université isles et faubourgs de Paris / dédié a Messieurs les Gouverneur Prevost des Marchands et Éschevins de la dite Ville / Par leur très humble et très affectionné serviteur Jean Boisseau, enlumineur du Roy pour les cartes géographiques. 1648; см.: Les Plans de Paris des origines (1493) à la fin du XVIIIe siècle. № 76; план (с гербами без видов) воспроизведен на с. 140.

гербами, к которым позже добавились видовые гравюры. Сохранились экземпляры издания, украшенного с двух сторон парижскими видами, восходящими к «Французской топографии» Клода Шатийона (1648). Слева – Нотр-Дам, Венсенский замок, Лувр, Люксембургский дворец, Кардинальский дворец (Пале-Руаяль); справа – Сорбонна, Парижская ратуша, Королевская площадь, старый королевский замок на острове Сите, дворец Тюильри²⁰⁴.

В дальнейшем парижские издатели плана Буассо все чаще прибегали к гравюрам с видами Парижа в качестве декора. Так, в 1688 году Франсуа Жоллан наряду с гербами поместил с трех сторон плана шестнадцать видов; четыре из них (по нижнему полю) принадлежали его мастерской или ему лично²⁰⁵. Одиннадцать парижских достопримечательностей из набора Жоллана были воспроизведены с незначительными расхождениями в «Новом плане Парижа» Жанвье (1748), который добавил к ним еще столько же изображений, в большинстве своем циркулировавших в полиграфии с конца XVII века. Лишь два из них выделялись своей новой стилистикой – ансамбль королевского Дома Инвалидов с собором, увенчанным знаменитым куполом Ардуэн-Мансара (1706), и ранний вариант фасада церкви Сен-Сюльпис архитектора Сервандони (1732).

Ближе к концу XVIII столетия набор видов Парижа, находившийся в распоряжении столичных печатников-картографов, существенно расширился за счет новых или обновленных сюжетов. Учитывая интерес парижан к современным архитектурным проектам, издатели спешили предложить им, наряду с хорошо известными достопримечательностями, изображения еще не завершенных церквей Мадлен, Сен-Сюльпис, Сент-Женевьев (будущий Пантеон), новой площади Людовика XV с конной статуей короля в центре и других городских объектов. Уже около тридцати парижских видов, выполненных в цвете и увеличенном масштабе, украшали многократно переиздававшуюся «дорожную карту» Парижа топографа Пишона (1783)²⁰⁶. Добавленные сюда же указатели улиц, площадей, церквей, аббатств, монастырей, приходов, коллежей и госпиталей придавали этому изданию характер полноценного иллюстрированного путеводителя.

Надо заметить, что виды Парижа предназначались не только для оформления картографической или иной печатной продукции, но имели также самостоятельное хождение и, очевидно, немалый спрос. Гравюры многократно возобновлялись, поэтому со временем изображения все больше и больше различались в деталях²⁰⁷. Счастливые обладатели парижских видов не отказывали себе в удовольствии их раскрасить. Отдельные гравюры в альбоме Каржавина также носят следы раскраски, местами довольно грубой, можно предположить, сделанной рукой ребенка (ил. 14)²⁰⁸.

Установить, какое именно издание «Нового плана Парижа» Жанвье – Лоншана находилось в руках Каржавина, пока не представляется возможным. Нельзя исключить, что виды Парижа могли достаться ему уже вырезанными кем-то другим – такое в то время практиковалось²⁰⁹. Во всяком случае, Каржавин не стал сохранять в альбоме порядок размещения гравюр, принятый во всех известных нам изданиях «Нового плана», а распределил их по своему ран-

²⁰⁴ Les Plans de Paris des origines (1493) à la fin du XVIIIe siècle. № 76. P. 140.

²⁰⁵ Plan general de la ville cite Universite isles et faubourgs de Paris... Paris: F[rançois] Jollain, 1686–1687; см.: Les Plans de Paris des origines (1493) à la fin du XVIIIe siècle. № 126; план (экземпляр BHVP: A 136) воспроизведен на с. 177.

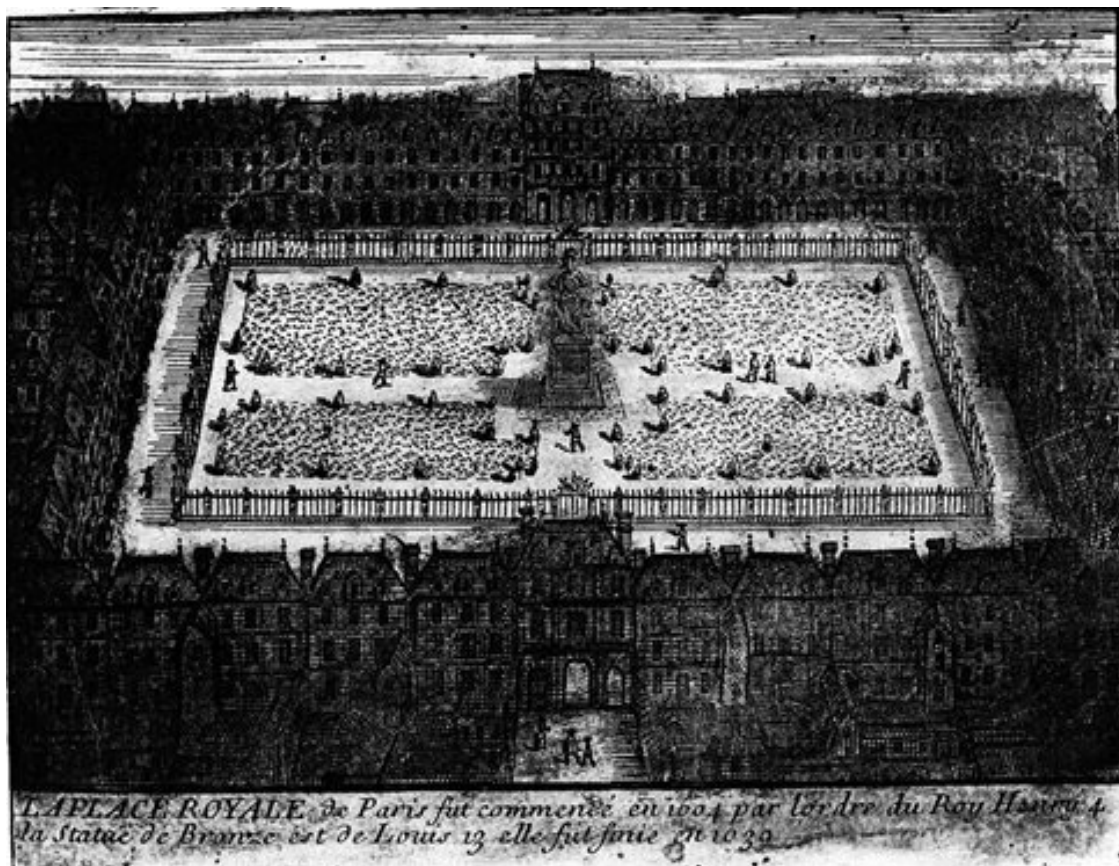
²⁰⁶ Nouveau Plan routier de la ville et faubourgs de Paris avec ses principaux edifices / Par M. Pichon ingénieur géographe. Gravé par C. V. Glot, E. C. Voysard. A Paris: chés J. Esnauts et M. Rapilly, 1783; переиздания – 1789, 1792, 1793, 1794.

²⁰⁷ Изображение старой церкви аббатства Св. Женевьевы (№ 15) до сих пор печатается в виде открытки. Образцы такого рода популярной полиграфической продукции XVII–XVIII вв., в основном анонимные, хранятся в Отделе эстампов и фотографий Национальной библиотеки Франции (BNF); сведения о них были любезно предоставлены мне в свое время госпожой Лаурой Бомон-Майе.

²⁰⁸ В Приложении гравюры, испорченные раскраской, отчасти восстановлены.

²⁰⁹ Экземпляр «Нового плана Парижа» (Paris, 1765) с частично вырезанными гравюрами, например, см. в Исторической библиотеке города Парижа – BHVP: A 228.

жиру. Дворцы – старый королевский замок на острове Сите (№ 1); Пале-Руаяль (№ 2); Лувр (№ 3); Тюильри (№ 4); Люксембургский дворец (№ 5). Общественные здания – Рагуша на Гревской площади (№ 6); Дом Инвалидов (№ 7). Площади – Вандомская (№ 8); Побед (№ 9); Королевская (№ 10). Культовые здания – собор Нотр-Дам (№ 11); капелла Сорбонны (№ 12); фасад церкви Сен-Сюльпис, рисунок архитектора Сервандони (№ 13); иезуитская церковь Св. Людовика (№ 14); старая церковь Св. Женевиевы (№ 15); монастырь Валь-де-Грас (№ 16); церковь Сен-Жермен-де-Пре (№ 17). Наконец, завершают альбом городские ворота и арки: Сен-Бернар (№ 18), Сент-Антуан (№ 19), Триумфальная арка на площади Трона (№ 20), Сен-Мартен (№ 21), Сен-Дени (№ 22).

Ил. 14. Королевская площадь – гравюра из альбома Ф. В. Каржавина, раскрашенная от руки

Последовательность изображений в альбоме воспроизводит классическую схему описания города – от центра к периферии (от острова Сите к городским воротам), но отнюдь не отражает историческую смену стилей во французской архитектуре, как это можно было бы ожидать. Скорее мы имеем дело не с эстетическим выбором, а с представлением Каржавина о социальном теле западноевропейского города XVIII века.

Гравюра с общим видом Парижа – «LVTTETIA URBS PARISIORUM», которая открывает альбом (ил. 15), имеет иное происхождение. Каржавин атрибутировал ее сам: «С птичьего полета, старинное изображение Парижа». А по правому краю сделал приписку: «Сей план резан в 1627-м г. Лудовиком Готьером или Готье».

Имеется в виду Леонар Готье (Leonard Gaultier, ок. 1561 – ок. 1635), ошибочно названный «Лудовиком», который был чрезвычайно плодовитым парижским художником-гравером, автором большого числа книжных иллюстраций и портретов современников. Подпись худож-

ника на гравюре «1607. L. Gaultier Sculp.» читается недостаточно отчетливо, поскольку расположена на самом изображении: по линии рва Сен-Бернар на левом берегу Сены, вдоль крепостной стены Филиппа-Августа. Возможно, это и стало причиной ошибочного прочтения даты Каржавиным.

Вид Парижа с птичьего полета не является в строгом смысле картой или планом. Однако изометрическое изображение города, впервые выполненное в проекции с юга, а не с запада или севера, как это делалось прежде, довольно узнаваемо с точки зрения топографии и даже архитектурных форм. Созданная в 1607 году гравюра предлагала зрителю новый образ города, ставший впоследствии классическим: явно обозначенные крепостные стены, многочисленные церкви, отдельные здания и мосты, в том числе современные – Новый мост (1606) или Большая галерея Лувра, завершенная окончательно только в 1608 году²¹⁰.

---

²¹⁰ *Lytetia urbs Parisiorum / L[éonard] Gaultier sculp [sit]. – [Paris], 1607. 13 × 17 cm; см.: Les Plans de Paris des origines (1493) à la fin du XVIIIe siècle. № 38, 56, 59, 62.*

№ 8.

3.

съ ртутнаго полта,
старинное изображение Парижа.

Т. гора мучениковъ; У. гора св. Лаврентія; X. гора св. Лаврентія; Y. гора св. Лаврентія; Z. гора св. Лаврентія.

сї планъ рѣзанъ въ 1637 г. и изданъ въ Голландіи или въ Лондѣ.

А. В. островъ: ядро города: старой Паризъ гдѣ святой пригдѣ, дворецъ Королей, по тѣмъ судебныя Парламента мѣста, церковь св. бартоломея: мѣсто Барнабитской; храмъ Богоматери соборной; церковь св. Ландри: въ углу это поэтъ бундъ А стоялъ по тѣмъ Генрихъ 4; на углу В. мѣсто купаются по тѣмъ парусинами. С островъ св. Лувина по тѣмъ населенной; D островъ Лувѣ, болѣе, гдѣ дрова лежатъ. E ровъ святаго Бернарда, гдѣ жилъ прекрасная улица сего же имени, на концѣ его видны врата св. Бернарда въ знактъ ♀. F Бастилия, сѣ перва крѣпость, по тѣмъ тюрьма тайная. G большая башня мѣсто Кавалероу храма іерусалимскаго, въ ней сидѣли послѣдніе Бурбоны, мѣсто св. Кларъ и св. дѣтѣй. H врата Мартиновѣ. I врата Діонисіевѣ, гдѣ предвѣстіе св. Діонисія; K мѣсто и городокъ тогдѣ святаго въ 8 ми верстахъ отъ Парижа. L гора мучениковъ и дѣвизіи мѣсто св. Діонисія аронагита, тутъ и исподняя тюрьма его, а въ церкви мѣсто гдѣ голову ему отрубили, и на тѣмъ мѣстѣ на мѣсто дѣрзанаго мрамора: жилъ оная гора вся застрѣна дворами обывательскими. M. пуговица сополій, гдѣ вистлица и плавбище для лѣдѣй пазненихъ. N мѣстѣ на горѣ Мениль монтанъ; у подошвы бѣли ямы для Парижскаго навоза. O крѣпость малая Юлія Кесара; P крѣпость большая его же, для удѣланія Парижа въ повиновеніи по тѣмъ 500 лѣтъ власти ими Романы (римляне.) Q площадь пристанная, гдѣ поскѣ пазнили. R дворецъ мѣсто королю Карлу 9. давалъ въ бѣна сигналъ удѣленія подданныхъ своихъ Бартоломеусоваго, сломаны остатки его при мѣстѣ по тѣмъ я еще малѣдніи бѣли въ шпалахъ (около 1756 или 7.) S врата переговоровъ, сломаны, а тутъ прекрасная набережная при старѣхъ дворцахъ Лувра и Тюльри.

Ил. 15. Первый лист альбома «Виды старого Парижа», автограф Ф. В. Каржавина, 1790-е годы

Не удивительно, что именно этот план Парижа имел столь большой успех у столичных книгоиздателей, поспешивших сделать его чем-то вроде визитной карточки своей продукции. Уже на следующий год после появления гравюры Готье она украшала титульный лист одного из изданий Клода Мореля, и в дальнейшем прибегавшего к этому эффектному приему²¹¹.

На протяжении первой половины XVII столетия парижская панорама Готье обновлялась вместе с городом: появлялись новые здания, мосты, монументы (например, конная статуя Генриха IV на Новом мосту), а также фигурки людей на улицах, лодки на реке. Изменения коснулись также важных элементов оформления: с верхней части гравюры исчез картуш с названием «LVTEIA URBS PARISIORUM», королевский и парижский гербы, расположенные от него справа и слева, и наконец – подпись художника (ил. 16)²¹².

Найти источник происхождения столь популярной гравюры, оказавшейся в альбоме Каржавина, – задача не из легких, даже если ограничиться только теми изданиями, где план Парижа воспроизведен в авторской редакции (с картушем, гербами и подписью художника). К счастью, в нашем случае поиск удалось локализовать.

---

²¹¹ Ioannis Passeratii... Commentarii in C. Val. Catullum, Albi Tibullum, et Sex. Aur. Propertium... Paris: C. Morel, 1608; см. также: Les Plans de Paris des origines (1493) à la fin du XVIIIe siècle. № 38.

²¹² Ср. гравюру с видом Парижа в издании *Théâtre géographique du royaume de France* (Paris, 1619) или в *Topographie française* (Paris, 1641, 1648) К. Шатийона. Об особенностях гравюры Готье в изданиях Шатийона см.: *Ravaux J.-P.* Claude Chastillon (vers 1560–1616) et sa Topographie française à l'aide de renseignements inédits: Catalogue de l'exposition «Châteaux et fortifications dans l'œuvre de Claude Chastillon». Châlons-en-Champagne, 1998. P. 155.

Ил. 16. Титульный лист *Topographie françoise* (Paris, 1641)

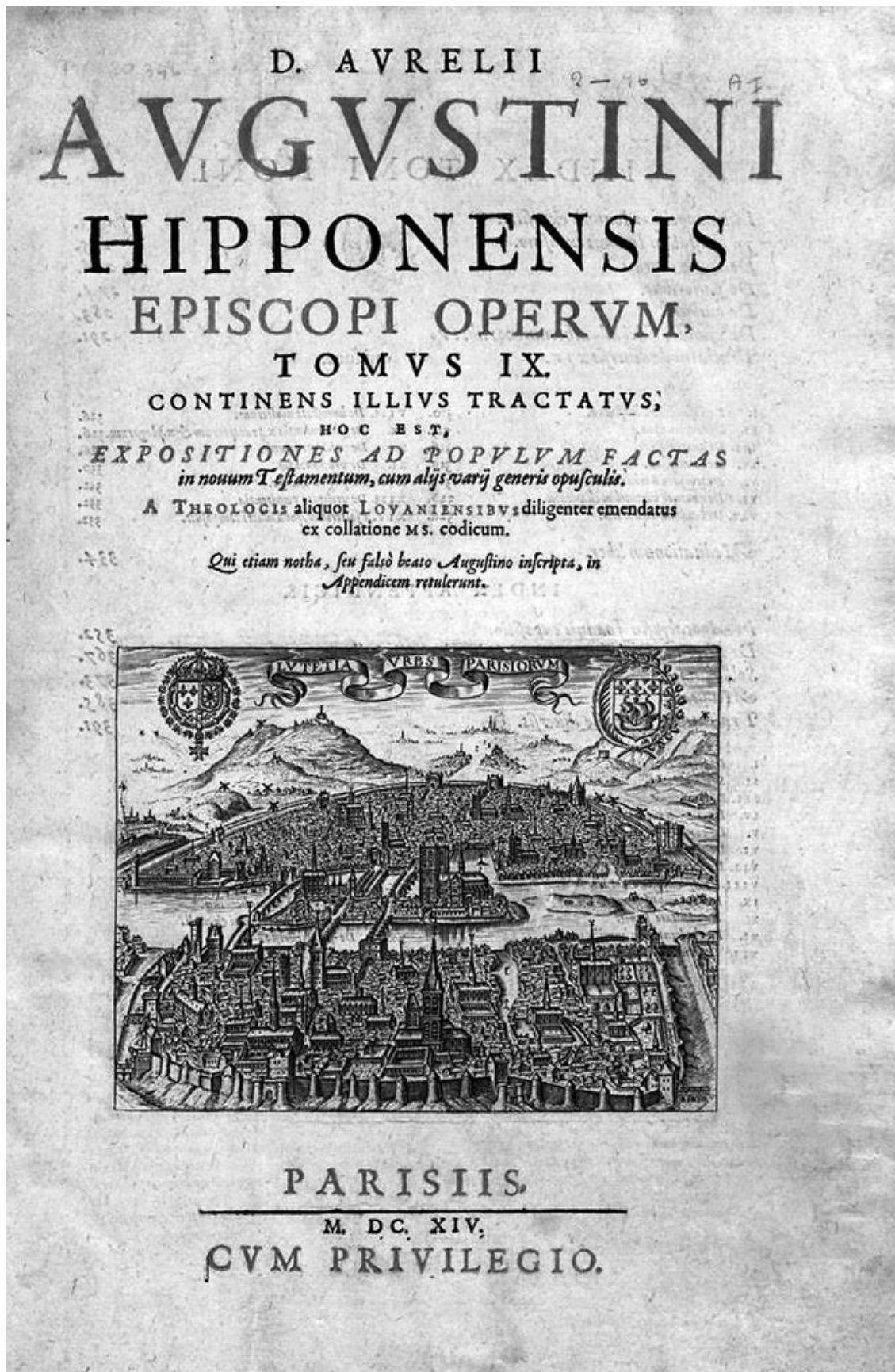
На обороте гравюры на просвет листа можно увидеть печатный текст, поддающийся прочтению. В нем перечисляются названия малых трактатов блаженного Августина в последовательности, принятой каноническим собранием его сочинений (*Opera omnia*), которое в XVI

веке было подготовлено учеными Лувенского университета под руководством теолога Иоанна Молануса или Яна ван дер Мелена. Как известно, малые трактаты в лувенской редакции печатались в Прибавлении (Appendix) к девятому тому десятитомного издания творений Августина, впервые изданному в Антверпене у Христофора Плантена в 1576–1577 годах. На протяжении нескольких столетий творения Августина в этой редакции переиздавались бесконечное число раз в разных городах и странах.

Библиографические разыскания привели нас к парижскому изданию 1613–1614 годов, также воспроизводившему тексты Августина в канонической редакции лувенских богословов²¹³. Но главное – подписная гравюра Л. Готье «LVTETIA URBS PARISIORUM» украшает титульные листы всех десяти томов этого издания. В девятом томе, включающем в себя прибавления, на обороте титула напечатан список (Index Appendicis) из 24 малых трактатов Августина, названия которых с XII по XXIV как раз попадают на нижнее поле – место расположения титульной гравюры; именно эти названия прочитываются на просвет листа в альбоме Каржавина (ил. 17).

---

²¹³ S. Aurelii Augustini Hipponensis episcopi et doctoris præcipui Opera, tomis decem comprehensa: per theologos Lovanienses ex manuscriptis codicibus multo labore emendata, & ab innumeris erroribus vindicata... Paris, 1613–1614. 10 t. en 6 vol.

Ил. 17. Титульный лист собрания сочинений Августина (Paris, 1614)

Итак, гравюра Готье, которой открывается альбом «Виды старого Парижа», изначально украшала девятый том парижского издания творений блаженного Августина 1613–1614 годов. Остается добавить, что в библиотеке Каржавина находились и другие издания Августина, необыкновенно почитаемого в Сорбонне; по меньшей мере, три из них сохранились²¹⁴.

Наклеенная на альбомный лист гравюра Готье буквально испещрена латинскими литерами (от А до S), которыми Каржавин отметил более двадцати парижских объектов, снабдив их своим комментарием²¹⁵. Напомню, что лист создавался в начале 1790-х, в разгар Французской революции. За событиями в Париже он следил из Петербурга, и нас не может не заинтересовать, какие объекты на старинном плане Парижа вольно или невольно попадали в поле его зрения.

Наряду с важнейшими достопримечательностями острова Сите (Нотр-Дам, Сент-Шапель, Парижский парламент), Каржавин отметил разрушенные во время революции древние церкви Св. Варфоломея и Св. Ландри, а также монастырь Ордена Барнабитов; подчеркнул, что на Новом мосту *еще* нет конной статуи Генриха IV (на самом деле, ее *уже* не было, когда он это писал), и не забыл про общественную купальню на восточной оконечности острова (АВ). В поле его зрения попали также острова Сен-Луи (С) и Лувье (D), ров Сен-Бернар, позже засыпанный, и одноименные ворота, также снесенные (E); не прошел он мимо и сохранившейся только на плане Бастилии (F), а также замка Тампль (G), ставшего тюрьмой для королевской семьи. Наиболее значимыми для него оказались городские ворота Сен-Мартен (H) и Сен-Дени (I) с предместьями: здесь им отмечены монастырь Сен-Дени (K) и холмы Монмартр (L), Монфокон (M), Менильмонтан (N). Не остались без внимания и древние крепости – Малый и Большой Шатле (O, P), Гревская площадь (Q), а также дворец Карла IX (R) и Ворота Конференции (S), оба уже несуществующие. Объектов, отмеченных на плане Парижа, вероятно, было бы больше, не имей Каржавин под рукой уже ранее созданных листов с видами Парижа.

---

²¹⁴ См.: Савельева Е. А. Пометы Ф. В. Каржавина на книгах Библиотеки Российской Академии наук // Книга: Исследования и материалы. Сб. 93/1–II. М., 2010. С. 135–136. № 1, 3, 4.

²¹⁵ Ссылки на комментарий Каржавина к гравюре Готье будут обозначаться теми же литерами в скобках и даваться в тексте.

Дневник, путеводитель, архитектурное пособие?

Альбом «Виды старого Парижа» не является ни путевым дневником, ни путеводителем, как это могло бы показаться на первый взгляд. Работа над рукописью протекала в два этапа (в начале 1770-х и начале 1790-х годов) и каждый раз – по возвращении Каржавина на родину, что можно принять за проявление ностальгии по городу, где прошла его юность, оставались друзья, сердечные привязанности... Однако если мы обратим внимание на событийный контекст, в котором идея парижского альбома зародилась, была реализована и получила свое продолжение, то картина окажется намного сложнее.

Как уже говорилось, Каржавин создавал свой альбом в период службы в Экспедиции Кремлевского строения (1769–1773), где исполнял должность архитекторского помощника при Василии Ивановиче Баженове. Связать появление парижского альбома с его профессиональной деятельностью в кремлевской команде архитектора, на наш взгляд, было бы логично.

Их знакомство произошло в Париже, куда Баженов прибыл осенью 1760 года в числе первых пенсионеров петербургской Академии художеств для завершения своего образования. К сожалению, о контактах молодых россиян в Париже нам известно пока немного. В январе 1762 года в Парижской миссии студент Каржавин и академический пенсионер Баженов приносили присягу императору Петру Федоровичу. Одновременно с ними присягали «Григорий Соболевский медицины студент» и «Санктпетербургской академии живописец Антон Павлов сын Лосенков»; к присяге молодых людей приводил «находящийся в Париже при посольстве иеромонах Кирилл Флоринский²¹⁶», о котором речь пойдет ниже. Летом 1765 года Каржавин и Баженов возвращались на одном корабле на родину; средств, чтобы «ехать сухим путем», не было ни у того, ни у другого²¹⁷. Непростой опыт парижской жизни, безусловно ценнейший для обоих, скреплял их отношения, переросшие в крепкую дружбу.

Баженову для реализации своего грандиозного проекта реконструкции древнего Московского кремля трудно было бы найти лучшего помощника, чем его парижский приятель. Недаром архитектор был обеспокоен, «чтобы не упустить его куды в другую команду»²¹⁸. Европейски образованный, свободно владеющий несколькими языками, воочию знакомый с французской архитектурой, как средневековой, так и современной, Каржавин знал себе цену. К тому же он положительно имел вкус к классицизму, что гарантировало успешное сотрудничество единомышленников. Представление, поданное в Экспедицию кремлевского строения для зачисления Каржавина в команду, содержало блестящую аттестацию кандидата на должность «архитекторского помощника». По замыслу Баженова, на него среди прочего возлагалась важнейшая обязанность – переводить «с латинского, с французского и еллино-греческого» языков жизненно необходимые в России трактаты «о величавых пропорциях Архитектуры» и другие пособия, «касающиеся до художеств»²¹⁹.

Менее чем за четыре года пребывания в команде Баженова Каржавин перевел целый ряд классических и новых архитектурных трактатов – Витрувия, Себастьяна Леклерка, Ролана Фреара де Шамбре, Клода Перро и др., но лишь немногие из его переводов были напечатаны²²⁰. Одновременно он трудился над словарем архитектурных терминов, которому пред-

²¹⁶ АВПРИ. ВКД. Оп. 2/6. Д. 5529. Л. 171 об. – 172, 83 об.

²¹⁷ Василий Иванович Баженов. № 32, см. также № 29. О бедственном положении Каржавина в Париже см.: Космолинская Г. А. Русский студент в Париже.

²¹⁸ Представление В. И. Баженова в Экспедицию кремлевского строения, [Москва] 27 ноября 1769 г. – Василий Иванович Баженов. № 231.

²¹⁹ Василий Иванович Баженов. № 231.

²²⁰ Марка Витрувия Поллиона Об архитектуре, книга первая и вторая... СПб.: при имп. Акад. наук, 1790 [1785]; Перро К. Сокращенный Витрувий, или Совершенный архитектор. Перевод архитектуры-помощника Федора Каржавина. М.: Унив.

стояло увидеть свет через двадцать лет²²¹. Осталась в рукописи составленная им «в пользу обучающегося Архитектуре юношества» записка о переводах и переложениях Витрувия²²². Сохранились подготовительные материалы к задуманному словарю «славнейших Архитекторов, появившихся от Возрождения художеств», в котором было отведено место и для статьи о В. И. Баженове²²³. Свой перевод трактата Фреара де Шамбре «Сравнение архитектуры древней с новою»²²⁴ Каржавин не смог напечатать «за трудности вырезать все находящиеся в подлиннике доски»²²⁵. Известно, что Баженов не раз обращался в Экспедицию Кремлевского строения и даже к самой императрице с просьбой, чтобы «из казенных книгохранилищ» беспрепятственно присылались бы к нему архитектурные трактаты для «надобностей по кремлевскому строению», а «переводы, касающиеся до Художеств и зделанные при кремлевской Архитекторской каманде, дозволить издавать в печать»²²⁶. Насколько можно судить по документам, эти просьбы не приводили к желаемому результату.

Отсутствие нужных пособий в архитектурной школе, разумеется, мешало полноценному преподаванию, и парижский альбом на первых порах наверняка сыграл свою положительную роль. Вряд ли Каржавин предполагал отдавать его в печать. Иначе как объяснить достаточно свободный стиль, который он позволял себе, комментируя знакомые парижские виды? К тому же иллюстрированные книги в России имели мало шансов быть изданными, что ему было хорошо известно. В то же время его альбом, отвечая на потребности архитектурной школы, вполне соответствовал образовательной цели – знакомству будущих архитекторов с лучшими достижениями французской архитектуры, не только древней, но и современной. Именно эту цель следует учитывать прежде всего, когда мы задаемся вопросом, для чего или для кого он был создан.

Помимо преподавания, подготовки переводов и учебных пособий, Каржавин вел служебную переписку с Экспедицией кремлевского строения, занимался вместе с Баженовым вопросами теории и практики архитектуры, готовил документы, обосновывающие строительство нового Кремлевского дворца. Вне данного контекста и, учитывая причастность «архитекторского помощника» к созданию одного из важнейших текстов по истории русской архитектуры XVIII века – «Краткого разсуждения о Кремлевском строении», – невозможно рассматривать альбом «Виды старого Парижа».

тип., у Н. Новикова, 1789 [не ранее 1791]; *Леклерк С.* О пяти чинах архитектурных по правилам Виньоловым; с прибавлением французского чина. Перевод с французского языка [Ф. В. Каржавина]. СПб.: На иждивении Т. П[олежаева]: печ. у И. К. Шнора, 1790 (2-е изд. – 1795).

²²¹ «Словарь, в котором, по возможности моей, изъяснены иноязычные обретающиеся в архитектурных сочинениях речи, из которых многия переняты нашими зодчими без нужды от иноземных мастеров: собранный в 1772 году при Модельном доме в Кремле, и поправленный для пользы общества в 1789 году в С. П. Б. архит. помощником Ф[едором] К[аржавиным] // *Перро К.* Сокращенный Витрувий. С. 171–228. Словарь напечатан с отдельным титульным листом в тип. Типогр. компании.

²²² «Мнение о разных писателях, которых сочинения о Архитектуре у нас ежедневно в руках бывают» (1770) – РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. 1757–1820. № 397. Л. 42–45 об.

²²³ «Сокращенное сведение о славнейших Архитекторах, появившихся от Возрождения художеств» – Там же. Л. 24 об. – 25 (в статье о Ф. В. Каржавине в «Словаре русских писателей XVIII века» (1999) место хранения этого документа ошибочно указано «РГАДА»).

²²⁴ «Сравнение архитектуры древней с новою и собрание десяти главных авторов, которые писали о пяти чинах архитектурных... С французского языка перевел [вставка: «при Экспедиции строения в Москве новаго Кремлевскаго дворца, Архитекторской помощник»] Федор Каржавин. 1770» – РГБ ОР. Ф. 178 Музейное собрание. № 2803. Оригинал: [*Fréart de Chambray R.*] *Parallèle de l'architecture antique et de la moderne...* Paris: E. Martin, 1650.

²²⁵ РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. 1757–1820. № 397. Л. 43 об.

²²⁶ Василий Иванович Баженов. № 68. С. 78–79; № 77.

«Краткое разсуждение о Кремлевском строении» и парижский альбом Каржавина

Для теоретического обоснования кремлевского проекта Баженову и Каржавину потребовалось обратиться к лучшим образцам западноевропейской архитектуры. Вводная часть «Краткого разсуждения о Кремлевском строении» содержит перечень из 22 общепризнанных архитектурных шедевров разных эпох и различных национальных школ. Является ли случайным совпадением то, что в альбоме Каржавина содержится ровно такое же количество гравюр с видами знаменитых памятников Парижа?

Перечень «Краткого разсуждения» делится на две равные части. В первой части перечислены одиннадцать архитектурных памятников Рима, Флоренции, Венеции, Милана, Мадрида, Лондона и Берлина. Заметное преобладание в этом ряду шедевров итальянской архитектуры выдает эстетические симпатии Баженова, который совершенствовал свое мастерство в Италии²²⁷. Эта часть перечня предельно лаконична. Единственная встречающаяся здесь характеристика – приписка, сделанная рукой Баженова, относящаяся к Миланскому собору: «белого мрамора». Во второй части перечисляются исключительно архитектурные памятники Парижа, также числом одиннадцать; в ряде случаев их сопровождают краткие характеристики:

«дом и церковь Инвалидов»; «площадь Лудовика пятого надесять» с конной статуей этого короля в центре; Вандомская площадь; «дворец Тюлериской» (Тюильри); «Старой Лувр с его перистилем»; «Пале Руаяль»; «Люксамбур» (Люксембургский дворец); Валь-де-Грас, «великолепнейшее строение какое было построено во Франции в последнем веке»; «ныне строящаяся церковь святых Женьвиевы по прожектам и под смотрением Королевского Архитектора и Кавалера Суфлота» (Сент-Женевьев); «великолепная церковь святого Роха» (Сен-Рок) и проект нового фасада церкви «святого Сульпиция ныне достроевающаяся [так] по рисункам господина Сервандони» (Сен-Сюльпис)²²⁸.

Насколько мы можем судить, отбор архитектурных памятников на звание шедевров производился Баженовым, в то время как Каржавин был «ответственен» за литературную часть. Из перечисленных в «Кратком разсуждении» парижских объектов только два отсутствуют в альбоме Каржавина – площадь Людовика XV (совр. площадь Согласия), названная в перечне одной из первых, сразу после Дома Инвалидов, и «великолепная», в стиле Людовика XIII церковь Св. Рока (Роха). Остальные девять памятников Парижа представлены в альбоме визуально и прокомментированы Каржавиным, а при сопоставлении их характеристик в обеих рукописях легко обнаруживается текстуальная близость. Более того, удалось выявить как минимум два общих источника этих характеристик.

Прежде всего, речь идет об упомянутой ранее статье Жокура «Париж» из французской «Энциклопедии». Ее русский перевод, инициированный «Собранием, старающимся о переводе иностранных книг», вышел в 1770 году без имени переводчика, которое до сих пор остается неизвестным²²⁹. В своем альбоме Каржавин дважды ссылается на перевод этой статьи,

²²⁷ Баженов стажировался в Риме, где стал членом Академии св. Луки, посетил многие города Центральной и Северной Италии; вступил в члены Академии рисунка и Клементинской академии в Болонье.

²²⁸ Василий Иванович Баженов. № 68. С. 74.

²²⁹ *Жокур Л. де*. Париж. Статья из Энциклопедии. СПб.: При Имп. Акад. Наук, 1770. В архиве «Собрания» расписки переводчиков в получении гонорара за 1770 год – а именно они являются самым достоверным источником для установления авторства – не сохранились. См. также: *Семенов В. П.* Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768–1783. СПб., 1913.

рекомендуя ее (очевидно, ученикам архитектурной школы) к прочтению: «Зри пространнее в статье Энциклопедической», называемой «Париж», которая «переведена с французского на русский язык» (№ 3, 4). Не забыты при этом выходные данные издания, а также номера страниц. Каржавин не раз заимствовал сведения из этой статьи для своих комментариев в альбоме и, как показывают приведенные ниже примеры, прибегал к тому же источнику, составляя перечень шедевров парижской архитектуры в «Кратком разсуждении»:

Лувр

<...> король Франциск I положил основание зданию, названному старый Лувр, <...> сын его Генрих II употребил славнейших архитекторов тогдашняго времени к распоряжению и украшению сего здания (статья Жокура «Париж», с. 31).

<...> Старой Лувр с его перистилем; сему зданию еще Франциск первой основание положил, а сын его Генрих второй употребил славнейших Архитекторов тогдашняго времени к распоряжению и украшению сего здания» («Краткое разсуждение»).

Вандомская площадь

В ней длиннику 86 сажен, а поперешнику 78 (статья Жокура «Париж», с. 38).

<...> сия последняя не больше имеет длиннику как 86 сажень, а поперешнику только 78 сажень («Краткое разсуждение»).

Валь де Грас

Ле Валь де Грас (le Val de Grace) великолепнейшее здание, какое было построено во Франции в последнем веке <...> (статья Жокура «Париж», с. 78).

Валь де Грас, великолепнейшее строение кое было построено во Франции в последнем веке («Краткое разсуждение»).

Статья Жокура служила не единственным подспорьем в работе «архитекторского помощника». Описывая виды Парижа в альбоме и составляя вместе с Баженовым перечень парижских шедевров, он не пренебрегал и другим источником – французскими надписями под гравюрами, которые, кстати, оказались достаточно информативными для этого жанра. Каржавинский комментарий в альбоме обычно начинался с их перевода; отголоски той же информации без труда обнаруживаются и в перечне «Краткого разсуждения»:

Тюильри

Le palais des Thuilleries fut commencé par la reine Catherine de Medicis et continué par Henry 4 et achevé plus sumpetueusement par Louis 14 (подгравюрная надпись, № 4).

Первое основание Тюльерийских палат <...> положено было в 1564 по повелению Королевы Екатерины де Медицис <...> на 168 саженях и трех футах (статья «Париж», с. 31, 33).

Дворец Тюлериской начат королевою Катериною де Медицис и продолжен Генриком 4-м, а великолепнейшим образом окончан Лудовиком 14-м. первое же основание сего дворца положено в 1564-м <...> Весь вид сего здания состоит на 168 саженях и 3 футах (альбом Каржавина).

<...> дворец Тюлериской, которому первое основание положено по повелению королевы Катерины де Медисис в 1564-м годе; оное строение имеет поличнику 168 сажень («Краткое рассуждение»).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.